

A close-up photograph of a woman with long blonde hair, wearing a light pink top. She is holding a black hairdryer. A thick black metal chain is wrapped around the handle of the hairdryer. The background is a plain, light-colored wall.

Духовка
Сильвичи
Плат

ЮСТИС РЕЙ

Юстис Рей
Духовка Сильвии Плат
Серия «Young Adult. Инстахит»

*Текст предоставлен правообладателем
Духовка Сильвии Плат: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-110711-6*

Аннотация

Меня зовут Сид Арго. Мой дом – город Корк, один из самых консервативных и религиозных в штате Пенсильвания. У нас есть своеобразная Библия (ее называют Уставом), открыв которую на первых ста пятидесяти страницах вы увидите свод правил, включающий обязательность молитв, служб и запреты. Запреты на все. Нельзя громко говорить на улице. Нельзя нарушать комендантский час. Нельзя пропускать религиозные собрания. Нельзя. Нельзя. Нельзя. Ничего нельзя, кроме тайного ощущения собственной ничтожности...

Но в самом конце лета в город приезжает новая семья, и что-то начинает неумовимо, но неизбежно меняться. Мое мировоззрение, мои взгляды... Все подвергается сомнению. Ты, Флоренс Вёрстайл, подвергаешь их сомнению. И почему-то я тебе верю.

Содержание

Лето	10
Август	10
Осень	30
Сентябрь	30
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Юстис Рей

Духовка Сильвии Плат

© Рей Ю., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Духовка
Сильвии
Тлат

ЮСТИС РЕЙ

LIKE
BOOK

МОСКВА
2023

*«Духовка Сильвии Плат затянула его – берегись,
иначе она затянет и тебя».*

Птица высокого полёта,
Она летит совсем одна,
Летит всё ввысь, летит свободно,
Но всё же горестна она.

Птица высокого полёта
Так одинока, что она
Порой решает, не спуститься ль
К другим, что в стаях навсегда.

Птица высокого полёта,
Ей трудно, больно на стези,
Ведь этой птице всё одною
Решать проблемы на пути.

Птица высокого полёта
Порой спускается к толпе,
Она грустит, что одинока
В неведении о земле.

Она спускается в надеждах
Свободной стать от тех проблем
И бед гнетущих, что на сердце
Оставят горестную тень.

Однако приземлившись, видит
Лишь желчь, нечестную борьбу,
В которой птицы послабее все умирают на виду;
Взмывает в небо благородно, забыв о прежней пустоте,
Ведь только ей дано увидеть правдивое житьё и смерть.

*Если вдруг вы нашли этот блокнот, то,
пожалуйста, не читайте его, потому что это
примерно то же самое, что залезть ко мне в душу,
а я не думаю, что вам в ней понравится.*

Лето

Август

Сид Арго

Штат Пенсильвания – место, где можно в равной степени насладиться всеми временами года: здесь солнечное лето и яркая осень, снежная зима и тёплая весна. Мой дом – город Корк, находящийся на северо-востоке штата. Население – тысяча сто пятьдесят три человека. Что не так уж и мало, учитывая, что есть в мире города с куда меньшим количеством жителей. Но не так уж и много, учитывая то, что моя семья знает как минимум треть города, а эта треть – другую треть, и таким образом все мы так или иначе знакомы друг с другом.

Не стану отрицать, в жизни маленького города есть свои плюсы: если потеряешь ключи, а на улице дождь или холод, всегда можно постучать практически в любой дом, и тебя приютят на пару часов. Но в то же время в маленьком городе ты никто, становишься таким же маленьким, как и он. Ты не личность, ты – часть команды, потому что всё уже реше-

но за тебя, традиции давно устоялись, и ты обязан им следовать, какими бы чудовищными они ни были. Изменить их невозможно. Это примерно то же самое, что пытаться убедить древних людей в том, что земля на самом деле круглая, а не плоский блин, стоящий на черепахе, а черепаха – на слонах, а слоны – на китах...

В общем, к чему это я? Корк – это целое государство, свой мир, если угодно. Мир, который застрял где-то в середине двадцатого века. Интернет доступен редко – можно сказать, что его практически нет. Надобности в мобильных телефонах тоже нет. Неудивительно, такая-то глушь. Единственное, что можно сделать в Корке с новеньким блестящим смартфоном, – так это повесить его на стену рядом с иконой в качестве реликвии. До ближайшего населённого пункта, который с натяжкой можно назвать городом, час езды. Мы полностью оторваны от реальности, и нам им это нравится.

Традиции в Корке незыблемы. Они вне времени. Одна из них – церковь, а если быть точнее, утренние воскресные службы.

Я никогда не был фанатичным верующим, точно так же как и атеистом, потому что я не делю мир лишь на чёрное и белое, и что касается религии, то я тоже где-то посередине. Я не верю в церковь: в пожертвования и индульгенции, в молитвы и службы, в священников и монахов. Но мне искренне хочется верить в то, что где-то есть что-то величественнее, духовнее нас, то, что может помочь нам, несмотря ни на

что, оставаться людьми, при этом не лишая свободы выбора. Вера – не средство порабощения, не право людей в чёрных простых одеяниях навязать своё мнение. Вера – это свобода. Вера – это надежда. Так я это вижу. Другие – нет...

Мы молимся перед едой. Всегда. И так в нашем городе – по крайней мере, как говорят – делают все. Также у нас принято молиться перед сном, но я и мой брат этого почти никогда не делаем – мы не религиозные фанатики, в крайности не впадаем. Однако посещать воскресные службы всё равно что дышать – необходимость. А иначе на тебя косо посмотрят, а те, на кого косо смотрят, в Корке долго не задерживаются. Либо ты со всеми, либо все против тебя. Третьего не дано.

Церковь Святого Евстафия находится на окраине города, но если учитывать его размеры, то это совсем не далеко от нашего дома: примерно полчаса ходьбы или пять минут на машине. Но на машине по Корку мы никогда не передвигаемся, да и вообще какой-либо транспорт, кроме велосипедов, на наших дорогах большая редкость. В основном машинами пользуются либо приезжие, которых у нас ничтожно мало (а попросту говоря, и нет – смотреть не на что), либо перевозчики леса. Основа города – лесозаготовливающая промышленность.

Каждое воскресенье мы встаём ровно в пять. Молимся. Воскресенье – святой день, так что бóльшую часть времени нужно проводить в молитве. Завтракаем. По воскресе-

ням только каша на воде, чёрный хлеб и чай без сахара. После надеваем парадную одежду (что означает никаких джинсов и футболок) и отправляемся в церковь. Сейчас лето, конец августа, из-за чего ранние подъёмы не кажутся таким уж великим подвигом. Мне даже приятно прогуляться ранним утром, не ощущая себя при этом как в банке с вареньем. Однако сегодня не такой день.

Мама заставила меня надеть пиджак и новую рубашку, этикетка которой натирает шею. И это не настраивает на религиозный лад. Это меня раздражает. И я начинаю ещё больше ненавидеть церковь, службы и всё, что с ними связано, хотя, казалось бы, за столько лет (а хожу я туда с тех пор, как пошёл в первый класс) можно было бы привыкнуть. Но я, как и традиции в нашем городе, непоколебим. То, что мне нравится, я буду любить вопреки всему (что бы ни случилось), то, что я терпеть не могу, буду с трудом выносить до конца жизни. Так я устроен.

Если быть уж совсем откровенным, то достоинств у меня немного. Я обладаю ничем не примечательной внешностью (не считая рыжих волос и веснушек по всему телу): не слишком высок, худощав и бледен настолько, что мог бы сыграть вампира без грима. Однако у меня всё же есть парочка достоинств, одно из них – ненавязчивость: я никого ни к чему не принуждаю (кроме разве что моего брата Питера, но я ответственен за него).

Мама считает, что я просто слишком скромн и довольно

чувствителен, а как по мне, то я – вещь в себе, вроде дневника на замке или шкатулки, простой снаружи, но полной сюрпризов внутри. Именно поэтому с виду никто и не скажет, что меня что-то не устраивает. Я терпелив до жути. И это тоже моё преимущество.

Сейчас только полседьмого утра, однако солнце уже начинает припекать вовсю. А я ещё к тому же в пиджаке и рубашке. Конечно, мне жарко, но я ведь терпелив. А вот мой брат Питер – нет. Он достаточно взрослый (ему десять), чтобы понимать, почему мы ходим в церковь, но он слишком мал, чтобы быть терпеливым.

– Я не хочу надевать пиджак, – говорит он с самым что ни на есть серьёзным лицом.

– Дорогой, это всего на пару часов, а потом ты его снимешь, – отвечает ему мама, при этом пытаюсь надеть на него этот дурацкий пиджак.

Я молча стою в дверях, снисходительно смотря на эту сцену. Я не участвую в ней, но всё равно получается так, что раз я здесь, то волей-неволей становлюсь свидетелем, а значит, и участником.

– Сид, ну хоть ты ему скажи! – вызывает ко мне мать.

Она всегда так делает, потому что знает, что Пит меня послушает, хотя, будь моя воля, я бы выкинул к чёрту оба пиджака. Я тяжело вздыхаю и подхожу к брату. Он весь насупился и покраснел. Весной затащить его в церковь было куда проще (тогда не было так жарко), а сейчас это становится

проблемой мирового масштаба.

Я забираю у мамы пиджак брата и тихонько заговорщицки киваю ей, хотя на самом деле я не на её стороне. Она кивает в ответ, конечно, всё понимает, но молча уходит наверх помогать отцу с галстуком, который папа всё никак не научится завязывать, а ведь ему уже почти пятьдесят.

– Это отстой, – говорит мне Пит, при этом покорно отводя руки назад так, чтобы мне было удобнее надеть на него пиджак.

– И не говори, – подтверждаю я устало.

Мы оба знаем, как каждый из нас к этому относится, и это делает нас участниками тайного сообщества, в котором всего лишь два человека.

* * *

Мы выходим спустя пять минут. Все нарядные, и половина из нас недовольные. Хотя по мне и не скажешь. Мы добираемся до церкви за рекордные двадцать три минуты. Обычно мы так быстро не ходим, но жара нас подгоняет. А ведь ещё только утро.

Наша церковь – большое добротное бело-серое здание с витражными окнами и огромным деревянным крестом на верхушке треугольной крыши. Это одно из самых старых зданий в городе, но и одно из лучше всего сохранившихся, а всё потому, что жители Корка скорее будут недоедать, чем

позволят появиться хоть одной трещине на фасаде церкви.

Горожане сползаются сюда, словно муравьи. Мы тоже не отстаём. Следуем за всеми. Мы ничем не выделяемся. Так и должно быть. Перед службой люди около церкви напоминают беспрестанно гудящий пчелиный рой, от шума которого так и хочется сбежать, окунувшись в воду по самую макушку.

Отец встречает Билла Рэма, нашего соседа, и они тут же начинают обсуждать предстоящую игру в баскетбол (которым оба интересуются даже больше, чем своими машинами). Билл приглашает отца и всех нас на барбекю, и, конечно же, отец с готовностью принимает приглашение. Отвергать чьё-либо гостеприимство в Корке – верх невежества.

Я в это время быстро оглядываюсь. Как я и думал, ни одного незнакомого лица. Все: и мужчины, и женщины, и дети – в чёрном, а лица серые. Так было всегда. Так будет всегда. И от осознания этого меня почти что мутит. Глядя на то, как мы похожи в нашей аскетичности и пристойности, мне начинает казаться, что мы все герои никому не известной антиутопии.

Служба начинается ровно в семь с приветствия и общей молитвы и длится около трёх часов. Проводит её, как и все предыдущие службы, на которых я был, преподобный Патрик, живущий в Корке, сколько я его знаю, а знаю я его, сколько себя помню. Человек он, по мнению остальных (включая и моих родителей), мудрый и образованный, к то-

му же ещё и выглядит словно ожившая статуя знаменитого греческого скульптора. Как говорит мой отец, Патрик – человек, обладающий высокими моральными ценностями. Вероятно, именно поэтому он стал членом городского совета, а по совместительству и его главой.

– Благословен Бог наш всегда, ныне и присно и во веки веков...

Честно признаться, я не имею понятия, о чём говорит Патрик, потому что вот уже несколько лет его не слушаю. Обычно рассматриваю присутствующих, мысленно задуваю свечи, считаю ряды и воображаемых овец, повторяю про себя уроки, строю планы на оставшийся день, чешусь, грызу ногти, кусаю губы (иногда до крови) – настолько мне это всё осточертело. Пару месяцев назад я даже начал отращивать волосы, чтобы можно было прятать за ними проводки от наушников и слушать музыку прямо в церкви на старом кассетном плеере. Но как только волосы стали на пару дюймов длиннее, чем обычно, мама сказала, что я зарос, и обкорнала меня, а парикмахер из неё никакой. Но, слава богу, это было в начале лета. Теперь я не похож на Шалтая-Болтая, и на том спасибо.

В церкви не так жарко, как на улице, и это единственный плюс, который я нахожу в пребывании здесь. Пит сходит с ума. Ему тут неважно. От скуки он то подпрыгивает на скамье, то дёргает меня за рукава. Я даю ему лёгкий подзатыльник, и он на время успокаивается.

Потом я снова и снова начинаю осматривать присутствующих, но ни на ком из них взгляд не задерживается, потому что я изучил их наизусть. Но вдруг я замечаю что-то новое, точнее, кого-то. И эти кто-то – *вы*. Я узнаю, что в город придет новая семья, ещё в начале лета, так как об этом говорит отец, а также знаю, что мужчину зовут Роберт, а его жену – Джейн. Их и маленькую девочку, что сидит между ними, я видел и до этого. Они и раньше посещали службы. Но тебя я вижу впервые, и, естественно, ты меня привлекаешь.

Всё, что я вижу, – это чёткий изысканный профиль, но этого мало, чтобы понять, как выглядит твоё лицо в целом. Ты в чёрном строгом платье. Светлые, похоже, выгоревшие на солнце волосы небрежно заколоты на затылке, и это, пожалуй, единственное, что выдаёт в тебе бунтарскую натуру, – всё остальное выхолощено. Ты словно большая фарфоровая кукла, и вид у тебя такой серьёзный и одновременно недовольный, что кажется, будто ты долго боролась с родителями, чтобы не надевать сегодня это чёрное платье. Но, видимо, не только Пит проиграл подобное сражение.

Ты и твоя семья выглядите как все, но в то же время есть в вас что-то такое, что выделяет вас из толпы. Вы – чужаки, и все знают об этом. В Корке к приезжим относятся довольно дружелюбно, но с опаской и без особого доверия.

Твой отец, Роберт, – высоченный мужчина, почти на полторы головы выше твоей матери, такой же серьёзный, как и ты. Твоя мать, Джейн, – миниатюрная брюнетка, чуть пол-

нее, чем ты, хотя, учитывая, какая ты тощая, можно сказать, что её фигура идеальна. Маленькая девочка, вплотную прижавшаяся к твоей матери, – видимо, твоя сестра, – похожа на ангела, одного из тех, что рисуют на религиозных картинах: пухленьких и милых. У неё длинная аккуратно заплетённая коса цвета пшеницы. Одета она, как и ты, в чёрное, но её это не гнетёт. Она вообще ведёт себя удивительно спокойно для ребёнка её возраста, а ведь она младше Пита, угомонить которого можно только пинками. Девочка спокойно сидит и внимательно слушает всё, что говорит Патрик, хотя вряд ли понимает, – ей не больше шести.

После того как я замечаю тебя, время начинает идти быстрее. Я перебираю про себя все женские имена, чтобы хотя бы в мыслях обратиться к тебе по имени: Мэри, Сара, Дженнифер, Кэтрин, Элизабет, Энни... Нет, всё не то. Слишком просто для тебя, слишком ordinarily.

Ты, словно статуя, не шевелишься, не моргаешь, и порой кажется, что даже не дышишь. Меня это пугает и одновременно удивляет.

Я пялюсь на тебя не отрываясь, иногда пытаюсь отвлечься на что-то другое, но спустя секунды взгляд снова прикован к тебе. Питер это замечает и наступает мне пяткой на носок. Я бесшумно кривлю лицо от боли и пытаюсь дать ему за это второй подзатыльник, но он уворачивается. А потом подзатыльник получаю уже я – от мамы. Она грозно, но вместе с тем незло смотрит на нас, и мы оба тут же утихомирива-

емся.

Когда мама перестаёт за нами следить, я укоризненно смотрю на брата, взглядом спрашивая, мол, что такое, – а он лишь только ухмыляется, будто бы я смотрю на тебя, потому что запал. Но это не так. Я ведь тебя не знаю, и привлекаешь ты меня только потому, что раньше я тебя не видел, а всё новое мне интересно.

И тут происходит то, чего я ожидаю меньше всего на свете, даже начни падать снег за окном, меня бы это так не удивило: ты поворачиваешь голову и смотришь на меня. Не ищешь глазами в толпе, а сразу смотришь прямо мне в глаза, словно знаешь, где я нахожусь всё это время. Это смущает, но я не отвожу взгляд. Вероятно, причиной тому твоя холодная, гипнотизирующая, почти пугающая красота. На лице никаких эмоций: ты ни удивлена, ни радостна и даже ни печальна. Ты смотришь на меня безучастно, отчего становится не по себе. Ты как будто бы здесь, но тебя нигде нет.

Я то ли краснею, то ли зеленею, но в любом случае я для тебя не такое интересное зрелище, как ты для меня, и через полминуты ты отворачиваешься и больше не смотришь в мою сторону, более того, ты снова не двигаешься. А когда служба заканчивается, ты, твои родители и сестра так умело смешиваетесь с толпой, что тут же исчезаете из моего поля зрения. Может быть, вы не такие уж и чужаки?

Мы возвращаемся домой не так быстро, как пришли в церковь, но всё же довольно скоро. К этому времени температура на улице поднимается до девяноста градусов¹, если не больше. Но, несмотря на жару, родители собираются в магазин за покупками. Я остаюсь в доме за главного. Перед уходом папа даёт нам с братом массу поручений: вымыть посуду, протереть пыль, помыть машину, полить цветы и покосить траву. Газонокосилку, конечно, доверяют только мне, так как Пит ещё маленький, хотя он каждый раз уверяет меня в том, что непременно с этим справится.

Как только родители уходят, мы принимаемся за работу, чтобы сделать всё побыстрее. Наша главная цель – успеть до обеда, потому что потом станет невыносимо жарко. Мы быстро справляемся с посудой и пылью, а потом идём на улицу, где палит нещадно. Пит берётся поливать цветы, а я – мыть папину машину (мы счастливые обладатели данного чуда, ведь папа работает на фабрике). Всё это время мы не говорим друг с другом, хотя обычно болтаем без умолку. Я сегодня необыкновенно задумчив. Может, из-за тебя, а может, меня просто сморило на жаре.

– Кто эта девчонка? – спрашивает Пит, поливая из шланга

¹ Примерно 32 °С.

мамины гортензии, растущие вдоль забора.

– Какая девчонка? – отзываюсь я таким незаинтересованным тоном, словно понятия не имею, о ком речь. Провожу ярко-жёлтой вспененной губкой по капоту, не глядя на Пита, но слышу, как он усмехается.

– Ну, та, на которую ты пялился сегодня в церкви.

Я прекращаю мыть машину, но и на него взглянуть не осмеливаюсь. Веду себя более чем странно, будто совершил что-то противозаконное.

– Понятия не имею, – отвечаю я, возвращаясь к машине.

– Да ладно, она ж тебе понравилась. Думаешь, я совсем тупой?

– Ну как тебе сказать? – сардонически интересуюсь я.

– Эй! – возмущается он с наигранной обидой, обливая мои ноги водой.

– Но они ведь, кажется, только недавно приехали? – как бы невзначай интересуюсь я после неловкого смешка.

Он молчит. Скорее всего, просто не знает, и тогда он обычно пожимает плечами.

– Так она тебе нравится? – вдруг спрашивает он серьёзно. И кто тут старший брат?

– Нет! – тут же протестую я. И почему так рьяно? – С чего ты взял? И вообще... не буду я с тобой об этом говорить.

– Ну и не надо, – обижается он. – Только она рано или поздно снова тебя засечёт. Сегодня же засекла.

– Ничего не засекала. Что мне, и посмотреть нельзя?

– Не отрываясь целых два часа, – иронично продолжает он.

– Я смотрел не два часа, – заявляю я, поворачиваясь к нему, – я её даже не сразу заметил. А если и два часа, то что? Это не преступление!

– Так она тебе не нужна?

– Вот пристал, – бурчу я недовольно. Снова возвращаюсь к мытью машины.

– Да не переживай ты так, если она тебе не нравится, то я возьму её себе.

Я удивлённо пялюсь на него через плечо, пытаюсь сдержать смех.

– Естественно, я ей больше приглянулся... – рассуждает он серьёзным тоном, поливая цветы. – Ты же так себе...

Я кидаю губку в ведро и живо подбегаю к нему. Брат не успевает опомниться, как я вырываю у него шланг и направляю на него. Пит пытается защититься и при этом отобрать его, но у него не получается. Я смеюсь и продолжаю поливать его водой. Он тоже заходится от смеха, причём так сильно, что падает на траву.

– И кто из нас так себе? – спрашиваю я.

Мы уже оба на земле, он подо мной. Но вдруг Пит умудряется ловко схватить мои руки и направить воду прямо мне в лицо.

– Конечно же, ты, – отвечает он, еле дыша.

И мы снова заходимся, продолжая борьбу за шланг. А по-

том возвращаются родители и, видя всю эту картину, хотят заставить нас разбирать с ними покупки. Но нам всё равно, даже после их прихода мы ещё долго валяемся на траве, поливая друг друга водой.

1

Флоренс Вёрстайл

Как только мы приехали в Корк, к нам пришла знакомиться миссис Пибоди, старушка лет семидесяти, что жила по соседству. После смерти мужа она жила одна. Детей у них никогда не было. Соседка узнала Джейн, хотя та не появлялась в Корке более десяти лет, и рассказала ей, что за это время её здоровье пошатнулось, из-за чего она редко выходит на улицу и не может долго гулять со своим псом. Джейн вызвалась помочь миссис Пибоди с собакой, которую старуха непонятно по какой причине назвала Тритоном.

Именно поэтому мне пришлось выгуливать Тритона каждый вечер. Мы гуляли у школы. До здания старшей школы Корка от нашего дома ровно двадцать три минуты, или две тысячи пятьсот семьдесят три средних шага, – я считала. Тритон, к слову, совсем не походил на Тритона, это был всего лишь лабрадор. Довольно раскормленный лабрадор. Мис-

сис Пибоди купила его после смерти мужа, видимо, чтобы не чувствовать себя одиноко, и по доброте душевной закармливала пса без меры.

Повернув чуть налево, не доходя до школы, можно сразу же упереться в магазин под названием «У Барри», где продаются всякие хозяйственные мелочи и еда. Ярко-красная светящаяся вывеска «У Барри» работает не полностью, поэтому «у» иногда гаснет. Увидев магазин, я решила, что могу побаловать Молли, купив ей мороженое. Но купить его оказалось не так просто – на стеклянной двери магазина виднелись три запрещающих белых знака в красных рамках, зачёркнутых опять же красным: ролики, сигарета и собака.

– Тебе сюда нельзя, – обратилась я к Тритону.

Он лениво поднял на меня грустный взгляд, но ничего не ответил.

– Ты же не будешь просто так стоять здесь? – спросила я, а после обернулась, но не увидела ни одного забора или столба, к которому могла бы его привязать.

Вообще Тритон был таким толстым и неуклюжим, что вряд ли убежал бы куда-нибудь, но я всё равно боялась оставлять его одного. Миссис Пибоди никогда не простила бы, если бы с ним что-то случилось.

– Ладно. Попробуем, – сказала я сама себе, потянув Тритона за собой. Открыв дверь, я пропустила его вперёд. Колокольчик над дверью тут же оповестил о нашем приходе.

– Сюда с собаками нельзя, – предупредил чуть хриплова-

тый мужской голос, как только мы с Тритоном переступили порог.

Магазинчик оказался ещё меньше, чем я представляла, так что дверь, а соответственно, и всех входящих можно было увидеть сразу же. За кассой стоял лысоватый мужчина лет пятидесяти пяти в клетчатой рубашке.

Услышав его предупреждение, я покосилась на Тритона, а Тритон, будто тоже всё понял, покосился на меня.

– Это собака-поводырь, – ответила я серьёзно.

Мужчина приподнял щетинистый подбородок, сузил светло-голубые глаза, чтобы, видимо, получше рассмотреть, и упёр левую руку в бок.

– Не больно ты похожа на слепую, – заметил он вполне справедливо.

– У меня зрение минус девять.

На самом деле минус три, и я надела линзы. К счастью, он не додумался спросить, почему я не ношу очки, – на этот вопрос у меня не нашлось бы ответа.

Он прекратил допрос, и я восприняла это как разрешение пройти.

– Я не видел тебя здесь раньше, – пробурчал он, не став приветливее.

– Мы недавно переехали.

– Дай-ка угадаю, в дом на перекрёстке с фиолетовой крышей?

– Угу, – только и смогла хмыкнуть я. В последнее время

этот вопрос задавали слишком часто.

– Чем могу помочь, девушка из дома с фиолетовой крышей?

– Флоренс. Я Флоренс, – представилась я. Ещё не хватало, чтобы ко мне прицепилось подобное прозвище.

– Чем могу помочь, Флоренс из дома с фиолетовой крышей? – переспросил он с серьёзным лицом, явно издеваясь.

Я тяжело вздохнула, но не стала его поправлять и подошла к холодильнику, стоящему возле кассы.

– Мне нужно мороженое, – объяснила я, глядя на представленный выбор. – Шоколадное.

Он отодвинул крышку и достал его.

– Одно?

– Да.

– Раз уж братъ, то про запас, – отметил он почти что дружелюбно.

– Это для моей младшей сестры.

– Хорошо. А для себя что-нибудь возьмёшь?

– Нет, спасибо.

Как я могла ему объяснить, что у меня хватит только на одно мороженое?

Достав из кармана деньги, я положила их на прилавок. Он отдал мизерную сдачу вместе с мороженым.

– Спасибо, мистер... – Я видела его впервые, поэтому не знала его фамилии. К слову сказать, я так её и не узнала.

– Барри. Можешь звать меня просто Барри.

В последнее время мне снятся печали,
Киты в облаках и небо в тумане,
В песках берега и в подлом деянии
Все те, кто когда-то считались друзьями.

Я знаю, что было, и знаю, что будет,
За всё мир меня одну лишь осудит;
Но это неважно, раз он истлевет,
Недолго осталось – мы все исчезаем.

В последнее время мне снятся прибои,
Смертельные волны и души в неволе;
Я слышу их стоны и грустные песни,
Я вижу всё то, что не кажется честным.

Ночами тревожно, в душе закипает,
Работает мозг, а сердце сникает,
Гоняет по венам иссохшую кровь,
И душно становится в комнате вновь.
И даже последний пророк, я считаю,
Не может раскрыть никому, что не знает,
Как жизнь повернётся и что ожидает,
Ведь даже добро не всегда побеждает.

Ночами порой заточенный нож
Пронзает дневную прикрытую ложь;
И, кажется, всё, что раньше сбылось,
Возможно исправить, но не довелось.

Проснувшись, лежу в тишине, наблюдаю,
Стук сердца не слышу, почти умираю,
Но чувствую лёгкость, никто ведь не знает,
Как больно в груди по ночам завывает,
Как жутко стреляет и бьёт, и кидает,
Такая ведь жизнь, и зло поражает
Жестокостью, мерзостью, тем, что узнает
Все слабости тех, кто считались друзьями.

Над крышей взметнулась душа, погибает,
Божественный свет вдали замечает,
Стремится к нему, но не поспевает
И падает, плачет, на дне загнивает,
Надеется выбраться, в веру ныряет,
Впитает всё то, что, по слухам, спасает;
Всё молится, просит пощады, не знает,
Что жизнь такова и добро проиграет.

Осень

Сентябрь

Сид Арго

С одной стороны, я обожаю осень, потому что это самая пёстрая и яркая пора в Корке, с другой стороны, я её терпеть не могу, ведь осень – это та самая пора, когда нужно возвращаться в школу, а я не люблю школу. Это чувство можно описать как нечто среднее между ненавистью, неконтролируемым страхом и постоянным беспокойством. В школе мне всегда слегка не по себе, а всё потому, что я далеко не самый популярный парень. Каждый пристальный взгляд или смешок за спиной вызывают желание провалиться сквозь землю. Возникает такое чувство, будто окружающие смеются именно надо мной. В глубине души я понимаю, что это не так, что вряд ли кто-либо меня вообще замечает, но не могу побороть ни этот страх, ни нервозность, потому что испытываю их так долго, что они превратились в инстинкты.

Стоит упомянуть и то, что мне всё же нравится учиться,

а также то, что подобным образом (запуганно и беспокойно) я чувствую себя не только в школе, но и везде. А всё из-за существования касающихся всех сфер жизни непомерно большого количества правил, которым мы обязаны следовать. И от этого просто тошнит. У нас есть своеобразная Библия (её называют Уставом, с большой буквы, конечно же, где прописано всё, что мы должны делать, и всё, чего нельзя совершать ни при каких обстоятельствах. И, возможно, существование Устава было бы не таким мучительным, если бы он не контролировал каждый наш вздох. В нём прописано всё до мелочей. Как говорит директриса, в нём нет лазеек.

Устав составлен городским советом, в который входят самые влиятельные люди города, включая преподобного Патрика. Вероятно, именно поэтому религиозный аспект в Уставе просматривается без лупы: обложка напоминает Библию.

Что касается школы, то тут тоже существует свой совет, но это гораздо менее влиятельная организация, которая хоть и имеет автономию, но принимает новые правила, действующие только в стенах школы. Не больше.

В этом году Пит идёт в пятый класс, чем жутко гордится. Он считает себя уже совсем взрослым, хотя школу не любит, так же как и я. И к тому же, в отличие от меня, он не принимает её правил и постоянно злобно их нарушает. Слово «злобно», распространившееся словно грипп, используют почти все учителя в школе.

Для меня, к счастью, этот год последний. Сдав академиче-

ский оценочный тест и получив сертификат, я покину школу и, умчавшись в закат, поеду в колледж. По крайней мере, так считают мои родители. Они почему-то думают, что я очень умный. Не знаю, что заставило их в это поверить.

Осень в этом году на удивление тёплая, а в хорошую погоду учиться в тысячу раз сложнее: солнце за окном страшно отвлекает, мешая сосредоточиться. Но я всё же стараюсь быть внимательным, потому что не хочу завалить тесты для поступления в колледж. Хотя, конечно, некоторые предметы я злостно (как бы сказали учителя) игнорирую, например, химию. В этом году на уроках мистера Супайна, нашего химика, скучно становится настолько, что я готов выколоть себе глаз, лишь бы разрядить обстановку. Но вместо этого начинаю вести эти записи. Поначалу они глупое развлечение, способ убить скуку, но со временем я отношусь к ним всё серьёзнее, стараясь записывать каждый день, ничего не упуская. И то, что произойдёт сегодня, я тоже запишу, тем более что это связано с тобой...

Ровно в восемь, как только мистер Супайн приветствует нас после летних каникул, ты залетаешь в класс с документом и небольшим томиком в чёрной рифлёной обложке, который я узнаю из тысячи, ведь это Устав. Ученикам новую копию дают в первом классе, и она остаётся с ними до окончания школы. Мои родители (и остальные взрослые) получили второй экземпляр на выпускном. Стоит сказать, что ученический Устав отличается от копии взрослого челове-

ка: у школьников больше правил. За всю жизнь у каждого две копии. Причём первая (школьных времён) должна быть сохранена даже после того, как ты прекращаешь ей пользоваться.

Устав считается священной книгой. Её нельзя мять, кидать, рвать. Она не может находиться на столе во время обеда, потому что иначе её легко запачкать. Каждая копия должна быть подписана на первой странице, чтобы в случае потери её могли вернуть. Однако потерять Устав – всё равно что затянуть петлю на собственной шее. За это будут гнобить до конца жизни. Но забыть копию Устава проще простого, ведь в стенах школы её постоянно нужно таскать за собой. Видимо, существование бумажной версии должно удерживать от нарушения правил, будто чёрный томик, находящийся всегда под рукой, словно небольшой божий глаз, следит за святостью каждого из нас в пределах досягаемости.

Что же касается реальных наказаний, то и они у нас есть. За это отвечают члены совета, но их ничтожно мало. Однако органа, следящего за выполнением правил, никогда не было и не будет: его наличия не требуется, потому что все жители Корка наблюдают друг за другом и готовы донести о малейшей провинности. Тот, кого заметили за нарушением, предстаёт перед религиозным собранием, где его отчитывают, а после молятся за его грешную душу. Есть и другие наказания, в зависимости от серьёзности нарушения. На собраниях могут присутствовать лишь совершеннолетние мужчины.

Открыв Устав, на первых ста пятидесяти страницах вы увидите свод правил, касающийся любого жителя Корка (не учитывая детей до шести лет), включающий обязательность молитв, служб и запреты. Запреты на всё. Нельзя кричать на улице, так же как и слушать музыку, нельзя находиться на улице после десяти вечера, нельзя пропускать религиозные собрания, проходящие в каждый третий вторник месяца. Нельзя. Нельзя. Нельзя. Ничего нельзя, кроме тайного ощущения собственной ничтожности.

Ты здороваешься, извиняешься за опоздание, подходишь к столу мистера Супайна, который окидывает тебя взглядом с ног до головы, и отдаёшь ему документ. Учитель быстро пробегает глазами по его содержимому и монотонно, но вежливо произносит:

– Ну что ж, добро пожаловать в Корк. – Он кладёт бумагу на стол и кивает тебе. – Класс, это мисс Флоренс Вёрстайл. Мисс Флоренс Вёрстайл, это класс.

Флоренс! Такое имя мне никогда бы не пришло в голову, но оно мне нравится.

Ты не жмёшься у доски под пристальными взглядами, хотя я бы провалился сквозь землю, окажись на твоём месте.

– Я вижу, вы получили копию Устава, – уже более бодро замечает Супайн. – Я бы прежде всего посоветовал обратить внимание на раздел номер три: «Одежда», – говорит он вежливо, так как ты одета не по Уставу. Но в первый день он не отчитывает тебя, за что я мысленно его благодарю.

Ты непонятливо киваешь и двигаешься к единственному свободному месту: к четвёртой парте, справа от меня. Все в классе исподтишка посматривают на тебя, ведь ты новенькая, а у нас это редкость. К тому же ты ещё и в джинсах, а девушки в нашей школе могут ходить только в юбках. Таков Устав. Твой рюкзак красного вырви глаз цвета, а он у нас тоже запрещён, как и все другие, кроме шести базовых цветов. Таков Устав. Ты выделяешься. Это несомненно.

Ты не бежишь на место сломя голову, как это сделал бы я, а идёшь медленно, оглядывая всё вокруг. Глядя вниз, наверняка замечаешь голые девичьи ноги, потому что все девушки (и учителя женского пола) носят в школу только юбки. Видно, что тебя это удивляет. Ты даже морщишься, осознавая, как кардинально отличаешься от остальных, но в итоге добираешься до места и кладёшь Устав и тетрадь на край парты. Учебника у тебя пока нет.

– Мисс Вёрстайл, можете не присаживаться, – говорит Сугпайн. – Всех остальных я тоже попрошу встать и помолиться, чтобы Бог дал нам сил сделать этот день ещё продуктивнее.

Все встают, складывая руки в молитве. На твоём лице полнейшая растерянность.

– Просто сделай, как он просит, – шепчу я в твою сторону, чтобы тебе не попало заслушание.

Ты странно смотришь на меня, складывая руки в молитвенном жесте, но не молишься, продолжая осматриваться.

Обычно мы всегда молимся в начале первого урока. Все

встают и пару минут, закрыв глаза, просят о чём угодно. Я редко что-либо прошу. Честно говоря, эта традиция кажется мне глупой, поскольку обесценивает таинство молитвы. Я следую ей только в случае, когда дома кто-то болен, но такое, к счастью, бывает нечасто.

Через минуту все как ни в чём не бывало усаживаются на места, и начинается урок.

Всё оставшееся время я сижу как на иголках, ведь после того как ты зашла в класс, во мне словно что-то перевернулось. Ещё никогда химия не была такой напряжённой.

Никаких записей, касающихся сегодняшнего дня, я больше не делаю, потому что боюсь, что ты что-нибудь заметишь, хотя, скорее всего, тебе плевать на меня. Но мне не плевать на тебя. Вот в чём проблема.

Как только заканчивается химия, я как ошпаренный выбегаю из класса, пытаюсь быстрее избавиться от твоего взгляда, хотя не уверен, что ты на меня смотришь. В твоём присутствии я чувствую себя престранно: хочется провалиться сквозь землю и одновременно сделать так, чтобы это длилось вечно...

На следующих уроках я не делаю никаких записей: полностью сосредотачиваюсь на новой информации, и мысли о тебе на время выветриваются из головы.

Как я писал, в этом году осень выдаётся необычайно тёплой. Но ближе к вечеру, когда солнце скрывается за свинцовыми облаками, на улице хозяйничает ветер. Наша калитка противно скрипит на всю округу. Отец пытался чинить её сотню раз, но в итоге звук возвращается, поэтому всё, что мы можем сделать, – это привыкнуть к нему. Я в этом не слишком преуспеваю – скрип меня всё ещё раздражает.

Когда я возвращаюсь из школы, мы с мамой и Питом садимся обедать. После чего она помогает ему с уроками. Но перед этим он, конечно же, находит тысячу поводов, чтобы ничего не делать. Когда они наконец принимаются за дело, я почти заканчиваю домашнее задание, а остальное откладываю на выходные.

Как только ветер затихает, я вызываюсь идти на улицу косить траву. Сидеть дома мне неважно. И вот я беру ключи от папиного гаража, чтобы взять газонокосилку, достаю её и приступаю к делу. Эта работа заставляет почувствовать себя ужасно взрослым. Возможно, потому что раньше (до того, как я пошёл в среднюю школу) я видел, как это делал отец, и завидовал ему. Мне казалось, что это очень важное дело. И в глубине души я думаю так до сих пор, хотя и понимаю, что заросший газон ещё никого не убил.

Когда я заканчиваю, опять поднимается ветер, во всяком

случае, мне так кажется, потому что калитка снова начинает скрипеть. Я морщусь, но через секунду скрип затихает, и я соображаю, что калитку открывает не ветер, а человек. Этим человеком оказываешься *ты*.

Ты идёшь по заброшенной скошенной травой тропинке в мою сторону. На тебе свободное тёмно-серое пальто и голубые мешковатые джинсы (меня всегда удивляла твоя манера одеваться, словно парень, хотя очевидно, что у тебя не та фигура, которой нужно стесняться). Твои волосы слабо завязаны сзади – каждый порыв ветра освобождает новые пряди.

Я опираюсь на ручку газонокосилки и, не двигаясь, словно загипнотизированный, смотрю на тебя. Ты подходишь, быстро достаёшь что-то из тканевого вырви глаз красного рюкзака и протягиваешь мне. Этим чем-то оказывается блокнот, в который я записываю всё, что со мной происходит, в том числе и про тебя.

– Похоже, это твоё. По крайней мере, валялось под той партой, за которой ты сидел.

Я тут же вырываю блокнот из твоих рук, но так и не нахожу, куда его спрятать. Если ты его прочитала, то мне конец. Хотя ты бы не вела себя так спокойно, если бы знала, что я вообще о тебе пишу.

– Я не читала! – тут же вырывается у тебя, когда ты видишь, как я задёргался. – Я не фанат чужих дневников.

– Это не дневник, – лживо оправдываюсь я непонятно зачем.

Ты пожимаешь плечами.

– В любом случае это твоё.

– Спасибо, – неловко благодарю я, постепенно приходя в себя.

Ты глядишь на меня в упор огромными глазами. Мне хочется смотреть в них как можно дольше, чтобы понять, какого они цвета. Кажется, зелёные. Но я не могу сказать точно.

– Меня зовут Флоренс, – говоришь ты так, будто мы видимся впервые.

– Я знаю, – почти перебиваю я.

Повисает неловкая тишина.

– Мне нравится твоё имя, – неуклюже признаюсь я, не в силах сказать что-либо более умное.

– Моим родителям тоже. Вероятно, они считали, что оно поможет мне стать кем-то вроде Флоренс Найтингейл².

– Помогло?

– Едва ли.

Я усмехаюсь такой очевидной самокритике, после чего снова наступает тишина, которую ни ты, ни я не стремимся нарушить.

Я не отрываясь продолжаю пялиться на тебя, ведь раньше я не видел твоего лица так близко. Ты действительно выглядишь как ожившая фарфоровая кукла, и только пряди волос, развевающиеся на ветру, не позволяют спутать тебя

² Флоренс Найтингейл – сестра милосердия и общественная деятельница Великобритании.

с ней. Что-то необъяснимое в тебе привлекает меня, и я даже не уверен, что это внешность.

– Сид. Сид Арго, – представляюсь я через какое-то время и осмеливаюсь протянуть тебе руку. Ты пожимаешь её сильно, уверенно, по-мужски, и у меня по коже пробегают мурашки, потому что ко всему прочему твоя кожа ледяная. Из-за этого я съёживаюсь, но ничего не говорю, однако ты тут же выдёргиваешь ладонь из моей, хотя твоя холодность мне не так уж и неприятна.

– Аргó? Прямо как тайный язык или корабль аргонавтов?

– Не совсем. Я Арго. И теперь я твой должник, – говорю я, сворачивая блокнот в руке.

– Это просто блокнот.

– Ну, может, и не совсем, – признаюсь я смущённо.

Ты чуть усмехаешься, словно знаешь его содержимое, из-за чего меня бросает в жар. Но сказать наверняка, читала ли ты, я не могу, к тому же у меня нет причин тебе не верить.

– Тогда ты и вправду мой должник, – говоришь ты, направляясь обратно к тропинке.

– И чего ты хочешь? – окликаю я тебя на полпути к выходу.

Ты поворачиваешься и серьёзно о чём-то задумываешься. Но ничего не отвечаешь.

– Спасибо, – ещё раз благодарю я, понимая, что ты, скорее всего, продолжишь молчать.

Ты киваешь и идёшь к выходу, но когда оказываешься

у калитки, резко останавливаешься и снова поворачиваешься.

– А мы ведь виделись в церкви?

Да, и с тех пор как мы увиделись впервые, прошло три службы, но я тебя на них не разглядел.

– Я видел тебя только один раз летом. Потом ты не приходила?

– Мы обычно садимся в самом первом ряду, а вы, наверное, в конце. Вот ты и не замечал.

Странно. И как я мог вас проглядеть? Кажется, твой отец выше всех в городе.

Ты задумываешься, а потом всё же решаешься спросить:

– Как ты это выносишь? – в голосе слышится печаль, отчаяние и что-то такое, что я не могу описать словами. Мы оба понимаем, что ты говоришь о службах.

Я пожимаю плечами.

– Каждое моё воскресенье вот уже одиннадцать лет начинается с церкви, с речей Патрика. Эти службы – неотъемлемая часть меня, – я говорю чистую правду. Но это не значит, что службы мне нравятся. Они как недостатки в характере, о которых прекрасно знаешь и которые раздражают, но ты ничего не можешь с ними поделать, потому что они – это ты.

– А я к этому никогда не привыкну. Эта церковь – ад. Мой личный ад.

Меня слегка передёргивает от твоей честности. Однако в глубине души приятно, что ты мне настолько доверяешь,

хотя я даже не понимаю почему. Откуда ты знаешь, что я не фанатик? Что я не расскажу всем, какая ты безбожница?

Ты направляешься к выходу. Но мне не хочется тебя так просто отпускать. Я понимаю, что, раз ты осмелилась спросить, значит, тебя это волнует.

– Флоренс! – зову я тише, чем мне хотелось бы.

Ты поворачиваешься, подходя ближе. На улице нельзя кричать. Ты тоже это знаешь.

– Отключайся, – советую я, – считай до ста, до тысячи, до миллиона, пой про себя, придумывай истории... Главное – не слушать, что он говорит. Это далеко не о вере, это другое...

– Я так и делаю, но это мучительно. Каждый раз возникает соблазн вырваться оттуда, убежать и никогда не возвращаться.

– Со мной так было поначалу... – Хочется продолжить, но я всё же замолкаю. И так слишком много сказано. Услышь меня хоть кто-либо из местных, и наша семья тут же стала бы чужаками. Как вы.

Теперь мы оба знаем об отношении друг друга к церкви. Это сближает нас и одновременно отдаляет. С одной стороны, мне хочется узнать тебя ещё лучше, поговорить, сказать больше, чем я сказал, но с другой – мне стоит держаться от тебя подальше, чтобы не сболтнуть лишнего и чтобы никто, видя нас вместе, не понял, что нас сближает.

Но всё же желание узнать тебя перевешивает всякую осто-

рожность и страх.

– Может, тебя проводить?

– Здесь десять минут ходьбы, – усмехаешься ты. – К тому же ваш город самый безопасный на планете.

– А где вы живёте?

– Старый дом Мэйронов. – Ты замолкаешь, но сразу же добавляешь: – Тот, что у перекрёстка.

– Знаменитый дом с фиолетовой крышей.

Ничего особенного в доме не происходило, насколько я знаю, но это действительно единственный в Корке дом с фиолетовой крышей. У остальных она красная, серая или коричневая.

– Вы купили его?

– Нет, – отвечаешь ты, но не торопишься объяснять, каким же образом он вам достался.

– Вроде говорили, что мистер Мэйрон умер от рака? Это произошло лет десять назад.

– От инфаркта. Одиннадцать лет назад. – Ты затихаешь, а потом тихо добавляешь: – В сентябре. – Будто это кардинально меняет дело.

– Кажется, до вас там жила его дочь, верно? Не помню, как её звали... – я напрягаю память, – поговаривали, что она сошла с ума после смерти отца.

Ты опускаешь взгляд, думая о своём, но через некоторое время, встрепенувшись, говоришь:

– Ну что ж, береги свой НЕдневник, – горестно усмеха-

ешься ты и выходишь со двора под скрип калитки.

И тут я делаю то, что в здравом уме никогда бы не совершил. Я кладу блокнот под одно из колёс газонокосилки, чтобы его не унесло ветром, и выбегаю за тобой. Уже через пару секунд мы идём вровень.

– Я всё-таки решил, что тебя нужно отблагодарить за блокнот.

Ты ничего не отвечаешь, словно была уверена в том, что я так поступлю.

– Как ты узнала, где я живу? – спрашиваю я, чтобы возобновить разговор, хотя понимаю, что узнать чей-либо адрес в городе проще простого.

– Спросила у мистера Супайна. Он, наверное, решил, что я ненормальная, раз бегаю по домам, возвращая блокноты. Хотя по нему вообще трудно сказать, что он думает.

«Как и по тебе», – думается мне.

– А откуда вы приехали, если не секрет?

– Буффало, Нью-Йорк.

Я присвистываю.

– Ничего себе, по сравнению с Корком это огромный город. Как вас сюда занесло?

– Ну да. Второй по населению в штате после самого Нью-Йорка, – говоришь ты без особого энтузиазма, игнорируя мой вопрос. – А ты решил, куда будешь поступать? – интересуешься ты, ловко переводя разговор в другое русло.

– Нет, – отвечаю я, пожимая плечами, чтобы не вдаваться

в подробности, но потом всё же добавляю, чтобы ты не решила, что я такой уж оболтус: – Может, Университет Тафтса или Массачусетский, – умно говорю я. Вроде я читал о них.

– Неплохой выбор.

Я киваю.

– А ты?

– Гарвард! – отвечаешь уверенно, ни секунды не сомневаясь, будто уже поступила туда. Теперь тебя трудно спутать с фарфоровой куклой. Ты становишься настолько реальной, насколько это возможно. У тебя даже начинает пульсировать жилка у правого виска, словно моя реакция для тебя очень важна. Но я не знаю, что сказать тебе на это.

– Здорово, – еле выдавливаю я.

Ты останавливаешься и долго не моргая смотришь на меня. И, естественно, мне тоже приходится остановиться.

– Что не так? – удивляешься ты.

– Ничего.

– Да ты весь побелел, будто я говорю, что у меня есть атомное оружие и я собираюсь уничтожить всю планету.

– Да нет же, – спокойно усмехаюсь я. И когда всё успело пойти не так?

– Что происходит? – не отстаёшь ты.

Я тяжело вздыхаю и вытягиваю руки из карманов джинсов.

– Ты правда хочешь знать?

Ты нетерпеливо киваешь.

– Смотри, – я вытягиваю перед собой руки, сжатые в кулаки, прямо к твоему лицу, – левая рука – это Корк, правая – Гарвард.

Ты внимательно, хоть и несколько скептически смотришь на меня, словно ждёшь фокуса. Но фокуса не будет. Я не маг, я реалист.

Я прячу правую руку за спину, а левый кулак ещё больше выставляю вперёд.

– Что-то я не вижу твоего Гарварда, – замечаешь ты язвительно, скрещивая руки на груди.

– Точно так же как и я не вижу возможности поступить туда. Гарвард – другая галактика, о которой такие, как мы, можем только мечтать.

– Мы? – удивляешься ты. – Не знаю, что ты себе думаешь, но я явно не вхожу в это твоё «мы». Гарвард – моя мечта. Я хочу там учиться, сколько себя помню. И я, конечно, не спрашивала у Гарварда, но думаю, он тоже хочет, чтобы я в нём училась.

Довольно амбициозно.

– Что ж, попробуйся. – Я повторяю твой жест: скрещиваю руки на груди. Уж слишком рьяно ты на меня нападаешь.

– Я поступлю туда и уеду отсюда, – уверяешь ты, скорее пытаешься убедить саму себя.

Я пожимаю плечами.

– Какой же ты всё-таки засранец, – раздражённо говоришь ты и живо направляешься в сторону дома с фиолетовой кры-

шей. Я нагоняю тебя.

– Флоренс! – зову я громко, отчего на миг сам пугаюсь, и ты хоть и неохотно, но всё же поворачиваешься. – Что я сделал не так?

– Ничего, – бросаешь ты, но я-то вижу, что задел тебя.

– Я не хотел тебя обижать.

– Такие, как ты, меня не обижают – такие, как ты, меня подстёгивают.

– На что?

– На то, чтобы добиваться своего. Если кто-то говорит, что ты чего-то не можешь, то не значит, что это так и есть, – ты выпрямляешься, словно струна, – лучше попытаться и проиграть, чем ничего не делать и потом всю жизнь жалеть.

– Полностью согласен, – серьёзно говорю я, – но порой всё же не получается иметь то, что хочешь, и тогда нужно мириться с тем, что имеешь.

– Я не желаю мириться с тем, где я сейчас. Это место мне не подходит.

Как и я.

Молча ухожу. Не знаю, смотришь ли ты мне вслед или же сразу уходишь, так как иду не оборачиваясь.

* * *

– Благослови, Господи Боже, нас и эти дары, которые

по благодати Твоей вкушать будем, и даруй, чтобы все люди имели хлеб насущный. Просим Тебя через Христа, Господа нашего. Аминь.

Когда мы ужинаем, молитву обычно произносит отец, а когда обедаем – мать, потому что в обеденное время он работает. Наш отец – человек невероятно закрытый, из таких, которые предпочитают слушать, нежели говорить. Он всегда довольно холоден и строг с нами. Считает, что его главная задача – обеспечивать нас материально, а разговоры по душам, а тем более нежности с детьми (особенно сыновьями) недопустимы. И так как у нас никогда не было сестры, и мама – единственная женщина в семье, то со временем дом превратился в казарму. Конечно, наш отец не тиран, но чем старше я становлюсь, тем чаще думаю, как было бы здорово, если бы хоть иногда он вёл себя с нами как с детьми, а не как с очередными подчинёнными.

После молитвы мы приступаем к ужину. Пит уплетает за обе щеки, я завидую его аппетиту, потому что мне есть совсем не хочется. Но я всё же пытаюсь запихнуть в себя что-нибудь, чтобы не вызвать подозрения, ведь обычно я ем нормально.

– Что-то не так, дорогой? – вдруг интересуется мама, и я тут же вздрагиваю, но оказывается, она обращается к отцу. Он молчит пару секунд, пытаясь подобрать слова.

– Я рассказывал про нового работника?

Мама качает головой. Это и неудивительно. Из отца вооб-

ще лишнего слова не вытянешь, а о работе он не любит говорить вдвойне. Видимо, считает, что это не наше дело. Но тут он начал говорить при всей семье, а значит, произошло действительно что-то из ряда вон выходящее.

– Вёрстайл, – тяжело выдыхает он, будто ему трудно даже называть эту фамилию.

– А что с ним не так? – аккуратно спрашивает мать, подавая Питу тарелку с салатом.

– Он недавно с семьёй переехал из Буффало. Город по нашим меркам большой, а тут Корк... – Он задумывается. – Он никогда не сможет привыкнуть к нашим правилам, да попросту и не хочет, – он кладёт вилку в тарелку, – из-за этого будем страдать все мы.

Насколько я понимаю, последняя фраза означает, что твой отец та ещё заноза в заднице Корка.

– Сегодня мы чуть не потеряли важных клиентов из-за него. Такой шум поднял. Видите ли, те отказываются платить сразу. Но они у нас и раньше лес покупали. И всегда мы с ними договаривались, и отсрочки им давали, и всё шло более-менее хорошо. Они вот уже четверть века с нами работают. А этот что о себе возомнил?..

Пожалуй, я впервые в жизни вижу отца таким обеспокоенным и разговорчивым. Меня это пугает.

– Встал в позу, мол, так дела не делаются. Господи, ну что за болван? Этот город только и живёт, что на продажу леса. Что мы будем делать, если они от нас откажутся? Лучше по-

лучить деньги позже, чем никогда... – И всё в таком духе.

Мать его внимательно слушает, наверное, удивлена такой несвойственно бурной реакции, так же как и мы. За столом в этот вечер говорит только отец. И даже когда все доедают, никто не уходит, боясь накалить и без того непривычную ситуацию. Мы сидим за столом до тех пор, пока отец не выдыхается. Позже мы помогаем маме с посудой и смотрим телевизор. Отец всё продолжает вспоминать новые детали, связанные с безобразной, по его мнению, работой твоего отца.

Ровно в девять часов во всех домах Корка отключают электричество. Так происходит всегда, кроме тех дней, когда проводят религиозные собрания (каждый третий вторник месяца). Мы зажигаем свечи. После этого мама пользуется моментом и отправляет меня и Пита в наши комнаты. А потом снова начинает успокаивать отца, а он всё равно никак не утихомиривается.

Они сидят на кухне и шепчутся до полуночи. Я знаю это, потому что бессовестно подслушиваю, сидя на лестнице. Они заканчивают молитвой и идут спать. Я прячусь в темноте коридора.

И не знаю, что раздражает меня больше: то, что мне кажется, будто твой отец всё же прав, или то, что я могу допустить хотя бы мысль, что он прав, и, следовательно, признать, что мой отец ничего в этом бизнесе не смыслит. Но он занимается лесом всю сознательную жизнь, и у него это получается. Твой же отец пытается применить политику боль-

шого города, которая здесь никогда не сработает...

Господи, как же вы меня бесите! Но, с другой стороны, по какой-то непонятной причине я вами восхищаюсь. И это чувство меня раздражает, ведь я не должен быть за вас. Но получается так, что я становлюсь предателем в собственной семье, хотя не делаю ничего плохого. Но даже подобные мысли меня пугают.

Впервые за многие годы я молюсь перед сном. Я не прошу ничего особенного, просто чтобы у тебя и твоей семьи всё было хорошо, чтобы вы прижились в Корке. Пожалуй, я хочу слишком многого.

2

Флоренс Вёрстайл

Ещё до того как семья собралась за ужином, я сидела на кухне, читая устав. Нет, я не собираюсь писать это слово с большой буквы. Каждый новый пункт повергал меня в негодование, а иногда и в ужас. Казалось, ученики Корка не могли даже в туалет сходить, не нарушив при этом несколько десятков местных правил.

Мэри Элайза Вёрстайл, моя младшая сестрёнка, которую все зовут просто Молли, вбежала в кухню с очередным ри-

сунком. За ней приполз серый старый кот Август, с которым мы давно не ладили. Увидев меня за чтением, сестра ничуть не удивилась, так как это было моим привычным состоянием.

Я похвалила её новое творение, после чего снова углубилась в чтение.

– Что это? – поинтересовалась она, с любопытством глядя на белые страницы.

– Это прямое доказательство того, что некоторые книги нужно сжигать.

Сид Арго

Выходные проходят, к счастью, без происшествий. Я делаю уроки, помогаю Питу, а потом мы вместе помогаем маме. На воскресной службе я замечаю тебя, так как настаиваю на том, чтобы мы продвинулись в ряд ближе к Патрику. И действительно, ты с родителями в самом первом ряду. Ты серьёзна, сидишь, словно окаменевшая, и даже ни разу не оборачиваешься в мою сторону, хотя, я уверен, знаешь о моём присутствии. Видимо, я задел тебя тогда сильнее, чем показалось. Я решаю, что непременно нужно перед тобой извиниться, хотя не до конца понимаю за что. Лучшим днём недели для этого, как мне кажется, будет среда, после химии, ведь я точно знаю, что ты там появишься.

Но всё идёт не по плану. На второй неделе выясняется, что

тебя определили не только в класс мистера Супайна. И теперь у нас будут общие литература и английский. Я узнаю об этом во вторник, когда ты вваливаешься в класс с красным вырви глаз рюкзаком. На этот раз ты садишься в другом конце класса, но легче от этого не становится.

После того как английский заканчивается, я быстро собираюсь, чтобы, как только ты выйдешь из кабинета, тут же тебя нагнать. Но у тебя есть великолепная способность: смешиваться с толпой или, я бы даже сказал, растворяться в ней.

Когда я выхожу из класса, тебя нигде нет. Тогда я мысленно выругиваюсь и уже не так быстро плетусь к выходу. Но тут, покидая здание, вижу вдалеке твой рюкзак, цвет которого бросается в глаза.

– Слушай, – начинаю я, нагоняя тебя, – не знаю, что я тебе сделал, но что бы это ни было, я искренне прошу прощения. Я не хочу, чтобы ты на меня обижалась, и не хочу, чтобы мы стали врагами.

– Думаешь, мы можем быть врагами? – интересуешься ты с язвительной холодностью. – Будь я твоим врагом, ты бы не знал, куда себя деть.

– То есть ты на меня не обижаешься?

Ты качаешь головой. Я теряюсь, не зная, что делать дальше. Я ожидал куда более долгого разговора. Но даже теперь, когда я выяснил, что ты не обижаешься, меня всё равно что-то беспокоит.

Мы идём в тишине. И вдруг ты останавливаешься и вы-

даёшь:

– Значит, так, слушай меня внимательно: ты не обязан меня провожать. Мы никто друг другу. Я просто принесла тебе блокнот, ты просто сказал спасибо. Мы немного поговорили о церкви, а потом ты в пух и прах разнёс мою мечту. И это всё! Я не злюсь на тебя. Ясно? Потому что таких, как ты, я встречаю чуть ли не каждый день, и, честно говоря, мне на вас плевать. Так что не думай, будто всё, что ты там говорил, меня задевает, будто это что-то значит. Потому что это не так. Просто забудь. Сделаем вид, что ничего не было.

– Я так не могу, – бормочу я растерянно.

– И почему это моя проблема? – отзываешься ты безразлично, пряча руки в карманы.

– Почему ты так ведёшь себя? Я ведь просто пытаюсь провонять дружелюбие, – говорю я тебе вдогонку.

Ты останавливаешься.

– С чего ты взял, что мне нужно твоё дружелюбие?

– Потому что так ведут себя люди в цивилизованном обществе.

Ты тяжело вздыхаешь.

– У меня нет совершенно никакого желания приспособиться к этому глубоко больному обществу, – заявляешь ты так осознанно, что я не в силах противостоять подобному заявлению. – Мне кажется, ты искренен со мной, – говоришь ты уже спокойнее, без скрытой агрессии и злости, – но не стоит. Я ужасный человек, и лучше тебе со мной не связываться.

ся. Я до безобразия критична, саркастична, недружелюбна и порой ошеломляюще груба. Я могу ранить словом не задумываясь, из-за чего мучаюсь и злюсь ещё больше. Часто я говорю правду, которая никому не угодна и которую никто не хочет слышать. Из-за этого многие ненавидят меня.

– Как благородно, – язвительно подмечаю я.

– Нет, я безжалостна!

– И до тошноты честна.

– Это один из главных моих недостатков.

– Так почему ты не хочешь со мной общаться? Мне показалось, у нас есть что-то общее.

– Моя адская привычка к одиночеству делает меня абсолютно невыносимой и практически неприемлемой для дружбы.

– Но ты могла бы дать мне шанс, учитывая, что я стараюсь.

– Я не хочу.

– Не можешь или не хочешь?

– Не хочу! Не принимай это на свой счёт. Скоро ты поймёшь, что держаться подальше от меня довольно умно.

Внешне я остаюсь спокоен, но внутри негодую. Я тебя совсем не знаю, но почему же так больно из-за того, что именно ты отталкиваешь меня?

– Ты помог мне освоиться, если тебя это утешит.

– Не надо меня утешать – я не расстроен.

– Мне так не кажется...

– Я взбешён, – перебиваю я.

– По тебе и не скажешь, – замечаешь ты спокойно.

Конечно, я ведь терпелив.

– И как же я помог? – спрашиваю я без особого интереса минутой позже.

– Церковь, – отвечаешь ты просто, – всё, что я говорила о ней, – правда. Терпеть это всё не могу. Когда ты сказал, что не веришь, я поняла, что я не одна такая и что ты в этом городе тоже не единственный. Я боялась начинать этот разговор, но потом, когда ты всё-таки заговорил, поняла, что могу расспросить тебя обо всём, и, как бы всё ни обернулось, ты никому ничего не скажешь.

– То, что принудительные службы не устраивают меня, не делает сложившиеся правила Корка менее важными для остальных.

– Мне не нужно знать, что думают остальные. Достаточно того, что хоть кто-то против этого, а значит, система не работает.

Я задумываюсь. Даже не знаю, почему мне так обидно.

– Не переживай. То, что ты мне сказал, останется между нами.

Я лишь молча гляжу на тебя.

– Это нужно было мне и останется со мной.

– Меня не это волнует, – отвечаю я с горечью.

– Жаль, что я оказалась таким большим разочарованием, правда?

– Не совсем так.

– Отчего же?

– Я не верю в то, что ты говоришь. Я имею в виду насчёт плохого человека. Плохим людям плевать на других. Плохие люди просто делают плохие вещи не задумываясь, а ты много об этом думаешь.

– Ты не можешь знать, что я думаю.

– Мне достаточно того, что ты только что сказала.

Ты усмехаешься и качаешь головой.

– Просто перестань преследовать меня. Ты мне ничего не должен, так же как и я тебе. На этом и разойдёмся. – Ты уходишь.

– Я преследую тебя? С чего ты это взяла? Кем ты себя возомнила? – кричу тебе вслед, но ты не оборачиваешься.

Я остаюсь один. Мне очень больно от того, как ты со мной обошлась. Хотя ты права: мы никто друг другу и ничего друг другу не должны. Но казалось, что между нами есть что-то общее, я чувствовал эту связь, но ты безжалостно разорвала её. И поделом мне. Я просто забуду тебя: больше не буду ждать, когда ты войдёшь в класс, не буду выискивать тебя в церковных рядах и писать о тебе. Точно не буду!

* * *

Я не писал в блокнот почти неделю, и, честно говоря, это мучительно. Раньше я даже не осознавал, насколько привык к этому. Поэтому я возвращаюсь к записям. И, конечно же,

мне придётся писать о тебе, ведь ты – одна из крупниц моего окружения.

Ничего особенного больше не происходит, из-за чего ходить в школу становится не только страшно, но и невыносимо скучно. И теперь, когда я стараюсь сталкиваться с тобой как можно реже, ты предстаёшь перед моим взором чуть ли не каждый день: по пятницам – на литературе, по средам – на химии, по вторникам и четвергам – на английском. И всё это просто невыносимо.

Скрашивают серые будни лишь уроки моего любимого учителя, мистера Прикли, который преподаёт литературу и английский язык. Мистер Прикли – тот редкий учитель, каких обычно показывают в фильмах: опытный, знающий, строгий и вместе с тем справедливый, такой, который может заткнуть за пояс любого грубияна в классе. Он знает всё обо всех учениках, но у него нет любимчиков. Он одинаково строг и саркастичен со всеми, независимо от среднего балла и знаний. И мне это нравится.

Нравится и то, что он относится к своему предмету с должной серьёзностью, но не делает из него культ. Его уроки мои любимые, а всё потому, что мы обсуждаем любые произведения через призму собственного опыта и проблем. Таким образом, его уроки не только источник культурного просвещения, но и что-то вроде бесплатной психотерапии.

Каждый год мы получаем от Прикли особое задание, требующее творческого подхода и нестандартного мышления.

В этом году тема проекта – «Зарубежные авторы». И расстраивает лишь то, что придётся работать в парах.

– Арго, будешь в паре с новенькой, – говорит Прикли, глядя в список фамилий.

– НЕТ! – тут же выдаём мы хором.

Не поднимая головы, он холодно пялится на нас поверх очков в чёрной роговой оправе. На первых партах начинают посмеиваться.

– Отставить смешки, – приказывает Прикли.

– Я бы предпочла работать одна, – говоришь ты неловко.

Прикли единственный в этом городе, кто может тягаться с твоим острым языком.

– А я бы предпочёл, чтобы вы делали так, как я говорю. В конце концов, в этом кабинете пока что я главный. – Он снова возвращается к списку фамилий. – Лев Толстой – ваша тема, – говорит он, а после продолжает распределять остальных.

Ты тяжело вздыхаешь и откидываешься на спинку стула. Я недовольно мотаю головой, смотря на тебя. Мы ведём себя как два идиота, словно это может что-то изменить. Думаю, мне уже не так сильно нравится мистер Прикли.

Через пару минут он заканчивает распределение и начинает урок. В первый месяц обучения мы обычно обсуждаем книги из списка литературы на лето. Сегодня тема урока – антиутопия Рэя Брэдбери «451° по Фаренгейту». Естественно, мы не можем обойти стороной общество потребления.

ния, которое тонко и искусно в ней критикуется. И конечно же, все пафосно говорят о том, что подобные материальные желания приведут нас к деградации, изоляции и духовному опустошению. А как же иначе? Начинается полемика, где каждый считает своим долгом предоставить как можно больше доводов против бездумного потребления. Пришли не прерывает нас, глядит исподлобья, прислушиваясь. Самым активным приверженцем моральных ценностей становится Брэндон Реднер, член школьного совета, старшеклассник с самым высоким средним баллом и просто чёртов павлин.

– Идея существования общества потребления отвратительна. В наше время люди сходят с ума из-за покупок. Вспомните хотя бы чёрные пятницы, больше похожие на Армагеддон, разразившийся прямо в торговом центре. – Он плавно поворачивается, чтобы вещать, глядя на весь класс. Находиться в центре внимания – его любимое занятие. – Основной целью людей в таком обществе становится потребление, делающее человека зависимым и несамостоятельным, превращая работу и учёбу в побочные эффекты этого потребления. Я думаю, общество потребления – это то, что должно быть уничтожено и забыто как можно быстрее, иначе любые моральные ценности скоро перестанут считаться таковыми.

Класс слушает молча. Не знаю, почему так выходит, но когда Брэндон Реднер что-то говорит (пусть даже абсолют-

ную чушь), это автоматически становится чем-то значимым. По непонятной мне причине люди к нему прислушиваются. И хотя Брэндон не предлагает ничего нового, только из его уст идея, старая как мир, становится услышанной.

– Бред собачий, – доносится спокойно с задних парт.

Конечно же, это ты – единственная во всей школе, кому хватит смелости (и глупости) противостоять Реднеру. Он впивается в тебя тёмными, почти демоническими глазами. Стоит отметить, что Брэндон отлично собой владеет. Его способность к самоконтролю почти так же хороша, как и его средний балл. Однако иногда (я видел это всего три раза в жизни) его программа самоконтроля даёт сбой, обычно это случается на спортивной площадке во время игр по баскетболу, и он делается неуправляемым. При этом его зрачки расширяются так сильно, что карие глаза становятся почти чёрными. В такие моменты он страшен. Боюсь, когда-нибудь вся та злость, которую он подавляет в себе, вырвется наружу и, разорвав его, попутно убьёт всех нас. Впрочем, я драматизирую.

– Что, прости? – переспрашивает он нарочито вежливо, хотя понятно, что услышал всё и теперь мысленно негодует, ведь никто и никогда не смел с ним спорить.

– Всё, что ты только что сказал, – это бред собачий.

Лицо Брэндона медленно искажается. Он громко вдыхает. Это один из его способов самоконтроля.

– Общество потребления – мировое зло, всадник апока-

липсиса, чуть ли не сам дьявол во плоти. Уничтожим его и будем прыгать с барабаном наперевес вокруг костра. Конечно же, это тут же приведёт к магическому решению всех наших проблем. Так ты думаешь? – Ты чуть подаёшься вперёд, продолжая говорить только для него: – Обнажать недостатки общества потребления с целью их уничтожения – то же самое, что поджигать дома, в которых мы живём. Общество потребления – это не непонятная масса непонятных людей, живущих на другой планете. Общество потребления – это мы.

Всё, что сейчас лежит на твоей парте, всё, что на тебе сейчас надето – твоя рубашка, брюки, ремень, часы, даже твои трусы, – всё это ты имеешь только благодаря нуждам и влиянию пристыженного тобой общества потребления. – Ты ещё больше подаёшься вперёд. Он, в свою очередь, злится сильнее, вытягиваясь, как струна. На мгновение кажется, что в классе остаётся лишь твой голос: – Так что не смей стыдить то, чего не понимаешь, то, чему принадлежишь с потрохами, потому что рано или поздно это поглотит тебя без остатка и тот безупречный пузырь, в котором ты живёшь, лопнет и уьёт тебя всеми навязанными тебе идеалами. Уничтожить общество потребления возможно только посредством массового суицида, а я не думаю, что для эго современного человека это приемлемый выход. Так что мы не можем быть против общества потребления, так же как и уничтожить его, потому что общество потребления – это мы. Каким бы мерз-

ким, глупым и отвратительным оно ни было – это мы.

Как только ты заканчиваешь, раздаётся звонок. Все вскакивают с мест, спеша на перерыв. И только ты и Брендон продолжаете испепелять друг друга взглядами, а на вас обоих, глубоко задумавшись, смотрит Прикли.

* * *

Ты подходишь ко мне на большой перемене, когда я копаюсь в шкафчике, пытаюсь найти учебник по физике.

– Когда мы приступим к проекту? – спрашиваешь недовольно, словно это я заставил Прикли поставить нас в пару.

– Когда замёрзнет ад, – говорю я, доставая книгу и с грохотом захлопывая дверцу.

– И как это понимать?

Я безразлично смотрю на тебя и пытаюсь пройти в сторону кабинета физики, но ты загораживаешь путь.

– Если ты думаешь, что работа в паре приводит меня в дикий восторг, то ты очень сильно ошибаешься, но мне нужно сделать всё правильно.

Я понимаю, что ты права и что мне тоже нужно отлично за эту работу. А ещё я думаю, что злюсь на тебя не так уж сильно, как стоило бы, и что в глубине души всё же рад тому, что теперь и тебе придётся побегать за мной.

– Что ты предлагаешь? – наконец сдаюсь я.

– Лучше начать пораньше, быстрее закончить и забыть

об этом. У тебя дома можно?

– Нет, – тут же вырывается у меня, – лучше у тебя.

Ты странно косишься на меня, видимо, что-то подозревая. Но меня бросает в жар при мысли, что ты услышишь, как мы молимся перед обедом. А если мы пойдём ко мне, то мама, как гостеприимная хозяйка, обязательно пригласит тебя за стол. Я знаю, что ты этого терпеть не можешь. Ты этого не поймёшь...

И тут ты вдруг отвлекаешься, глядя куда-то поверх моего плеча. Я поворачиваюсь, чтобы понять, на что ты смотришь. По коридору, словно короли, плывут Брэндон Реднер и Дороти Пай, знаменитости школы Корка. Они встречаются, сколько я себя помню, но на виду никогда не держатся за руки (не говоря о большем) – запрещено Уставом. Считается слишком интимным жестом. Единственное, что может позволить себе мужчина по отношению к чужой женщине, – это рукопожатие. Показывает желание подружиться с человеком, которому протягиваешь руку.

Брэндон – вот уже четвёртый год член школьного совета, а Дороти... Дороти, пожалуй, всегда была лишь его тенью. Они вечно ходят вместе. Поговаривают, что они поженятся, как окончат школу. Я, честно говоря, не сильно вникаю в эти слухи. Мне всё равно.

– Кто это рядом с Реднером? – спрашиваешь ты, кивая в их сторону.

– Дороти Пай. Они местные Ромео и Джульетта или что-

то вроде того.

Ты почти с ненавистью смотришь на них.

– Ладно, – соглашаешься ты, обращая взгляд на меня, – встретимся после уроков у главного входа. Не опаздывай!

* * *

Мы добираемся до твоего дома молча. Это двухэтажное здание из красного кирпича, уже не новое, но добротное и, не учитывая фиолетовую крышу, похожее на множество других домов в городе.

Ты тихо открываешь калитку, проходя вперёд. Я следую за тобой.

– Бросай своё шмотьё куда хочешь, – говоришь ты, когда мы заходим в прихожую, и кидаешь рюкзак у двери в гостиную.

– Очень гостеприимно, – бурчу я, неловко переминаясь с ноги на ногу у вешалки для верхней одежды.

Ты игнорируешь мою реплику. За рюкзаком на пол летят твои ботинки и пальто. Через минуту к ним подкрадывается серая огромная кошка (почему-то без ушей, зато с пушистым хвостом), но почти не обнюхивает, так как, видимо, знает этот запах наизусть. Она смотрит на меня круглыми внимательными (разного цвета) глазами, а я смотрю на неё в ответ, не в силах пошевелиться, словно кошка – истинная хозяйка дома.

– Ты долго там будешь стоять? – интересуешься ты, проходя в гостиную.

Я аккуратно снимаю куртку, вешаю её рядом с ярко-красным женским пальто, возможно, принадлежащим твоей матери, и следую за тобой в гостиную. Кошка направляется за мной. Ты садишься на диван и включаешь ноутбук. Он такой тонкий, что я даже теряюсь. Я никогда в жизни не видел такого ноутбука, разве что по телевизору. Допотопные компьютеры в школьной библиотеке с ним, конечно, не сравнятся. Ты будто прилетела к нам из будущего с помощью неизвестной мне машины. Я замечаю на заставке постер в чёрно-фиолетовых тонах с какой-то женщиной, похоже, героиней фильма.

– Кто это? – интересуюсь я.

– Джессика Джонс.

Я лишь кощусь на тебя. Понятия не имею, кто это.

– Героиня комиксов. Netflix по ним сериал снял.

– Что такое Netflix?

Ты усмехаешься.

– Неважно. Наверняка у вас бы всё равно запретили всё, что там показывают.

– А всё-таки, – нахожусь я через несколько минут, – что такого особенного в Джессике Джонс?

Ты пожимаешь плечами.

– Она обладает суперспособностями, и ей наплевать на мнение окружающих.

– Тебе-то грех жаловаться: у тебя и так есть суперспособности.

– Это какие, интересно? – скептически интересуешься ты.

– Суперум или суперпамять, а может, и то и другое. Я ещё не до конца разобрался.

– Нет у меня ни суперума, – говоришь ты, ничуть не польщённая комплиментом, – ни суперпамяти. Просто я усерднее других и много читаю.

– В наше время это уже суперспособности.

Ты усмехаешься, ничего не отвечая.

– Что ж, располагайся, – заключаешь ты, выходя из комнаты, и поднимаешься на второй этаж.

Кошка в это время по-королевски устраивается в потёртом кресле возле камина, будто оно принадлежит только ей, и время от времени продолжает следить за мной исподтишка. Вероятно, чтобы я и не думал ничего украсть. Я неловко кошусь на неё, садясь на диван у окна.

В гостиной куча мебели: два дивана, пара кресел, в центре комнаты – кофейный столик, напротив двери – камин, у двери – книжные шкафы и полки, заставленные книгами. Но ни на стене, ни где бы то ни было ещё ни одной фотографии, словно всё это время, пока вы не жили тут, вас и не существовало.

На кофейном столике лежит мобильный. Интересно, зачем он тебе? В Корке всё равно нет связи. Я знаю, что это личная вещь, что её нельзя трогать, но не могу удержаться.

ся, ведь у меня никогда не было телефона. Он очень тонкий с большим экраном. Я нажимаю на одну-единственную кнопку внизу, и экран загорается. На заставке пользователя приветствует вопрос: «Неужели от разума никуда не деться?»³

Я не успеваю задуматься, слышу, что ты спускаешься, и быстро кладу телефон на место.

Ты возвращаешься с конспектами, стопкой чистой бумаги, книгами Толстого, а также маркерами, фломастерами и цветными карандашами. Пока ты бегала наверх и собирала книги, твои волосы растрепались, а пара прядей и вовсе выбилась из хвоста, ты чуть покраснелась и у тебя расстегнулась верхняя пуговица на блузке (которая, как и все твои вещи, чуть большего размера, чем нужно). В этот миг ты выглядишь абсолютно незащищённой, лишённой скрытой агрессии и собранности. И мне это, несомненно, нравится.

– Что? – смутившись, спрашиваешь ты, кладя принесённое передо мной.

– Ничего, – отвечаю я, при этом не в силах оторвать от тебя взгляд. – А твой отец до того, как вы приехали сюда, случайно, не был владельцем книжного магазина? – нахожусь я, не желая признаваться, что засмотрелся на тебя.

– Нет.

³ «Is there no way out of the mind?» – цитата из стихотворения Сильвии Плат «Мрачные предчувствия».

– Впервые в жизни вижу человека, у которого в доме столько книг.

Ты пожимаешь плечами, словно для тебя это в порядке вещей. Однако у вас дома действительно очень много книг. Когда вы только успеваете их читать?

– Я, как ты уже понял, не отличаюсь особым гостеприимством, но... – ты слегка мнётся, – может, хочешь чего-нибудь выпить?

– Нет, спасибо, – отвечаю я, усмехаясь, – а то отравишь.

– Ха-ха, шутник, – ворчишь ты и садишься на диван напротив. – Давай работать.

Я киваю.

– С чего нам следует начать? У меня есть идея, но ты лучше знаешь этого Прикли.

– Как ты поняла, он несколько своеобразный человек, так что трудно сказать, что ему понравится.

– Тогда не будем на него равняться. Сделаем то, что понравится нам. Эта работа ведь может быть в любой форме?

– Полагаю, что так. Что за идея?

– Сделаем мини-мультфильм о жизни Толстого. Включим информацию о произведениях, напишем года и цитаты...

– Звучит здорово и... крайне сложно.

– Не слишком, если умеешь рисовать.

– Я далеко не Рембрандт.

– Ладно, – соглашаешься ты, – тогда я нарисую, а ты займётся сбором информации.

– И ты сможешь превратить рисунки в фильм?

– Это несложно. Я делала это для пары проектов в старой школе. Правда, потом нужно будет озвучить, но это не займёт много времени.

Я киваю, чувствуя себя при этом полным болваном.

– Мы можем сделать что-нибудь другое, если у тебя есть идеи.

– Нет, пожалуй, нет. Думаю, это достаточно креативно.

Мы начинаем работу. Моя заключается в составлении главных пунктов биографии, сборе фактов и выписывании цитат в полном молчании. Ты же пытаешься нарисовать мультяшного Толстого по его портрету, размещённому в одной из книг.

Через некоторое время кошка встаёт с кресла и, подходя к тебе, пытается потереться о диван, а после и о твою ногу. Ты, не отрываясь от рисования, беззвучно, не слишком грубо отталкиваешь её. Оказывается, тебе не нравится не только моё внимание. Я еле слышно усмехаюсь.

– Почему у неё нет ушей? – спрашиваю я.

– Это он. И уши у него есть, – отвечаешь ты, не отвлекаясь. – Они просто маленькие и загнуты вниз, как и у всех скоттиш-фолдов⁴.

– Как его зовут?

⁴ Порода кошек с характерным строением ушных раковин, которые загнуты вперёд и вниз. Причиной необычной внешности этих кошек является генная мутация.

– Август.

– Как древнеримского императора?⁵

– Нет, как месяц.

– Ну что ж, Август выглядит довольно...

– ...Старым?

– Милым.

– Не знаю насчёт этого. Не люблю котов, – признаёшься ты спокойно, не поднимая взгляда.

– Но это же твой кот.

– Моей матери, – отзываешься ты равнодушно. – Я его ненавижу.

Я впадаю в ступор, после призадумываюсь, но ничего не отвечаю, потому что не знаю, стоит ли затрагивать эту тему.

Ты продолжаешь работать, а я снова засматриваюсь на тебя. Не знаю почему, но я не могу ничего с этим поделать. Ты сидишь на коленях, облакачиваясь на кофейный столик, что-то подрисовываешь, исправляешь, грызёшь кончик карандаша, снова рисуешь. Я никогда прежде не видел тебя настолько сосредоточенной. Эта самая сосредоточенность делает тебя другим человеком: ты не контролируешь каждое движение. И я снова уверяюсь в том, что ты всё же не настолько ужасна, хотя и сама этого, наверное, не знаешь. А ещё я замечаю, какие у тебя странные глаза: сегодня они не зелёные,

⁵ Октавиан Август – древнеримский политический деятель, основатель Римской империи.

как мне показалось вначале, сегодня они жёлто-серые. Никогда прежде я не видел таких глаз.

Вдруг ты отвлекаешься от рисунка и мельком смотришь на меня, а потом в сторону прихожей. Кто-то открывает входную дверь. Этим кем-то оказывается твоя мать. Она заходит в гостиную в кремовом плаще, держа за руку твою чудную сестрёнку, и дружелюбно улыбается. Девочка растерянно смотрит на меня огромными голубыми глазами, но приходит в себя, когда возле её ног лениво укладывается Август.

– Сид, это Джейн... моя тётя, – представляешь ты будто бы безразлично, даже не глядя на неё, – а это Молли, – а вот на неё ты смотришь с неподдельным обожанием. Невооружённым взглядом видно, что ты её любишь.

Не знаю почему, но в Джейн есть что-то невероятно знакомое, словно я видел её очень-очень давно, вот только не могу вспомнить где.

В целом Джейн выглядит приятно и аккуратно, но в её внешности нет ничего особо запоминающегося, разве что волосы цвета воронова крыла, которые чуть ли не магическим образом контрастируют с твоими светлыми. У Джейн бледная кожа, светлые глаза (то ли серые, то ли серо-зелёные) и добрая искренняя улыбка.

– Очень приятно, миссис... – Я мнусь, не знаю, как же к ней всё-таки обращаться – я думал, она твоя мать.

– Вёрстайл, – помогает она. – Мне тоже очень прият-

но, Сид.

– Привет, Сид, – твоя сестрёнка улыбается и протягивает мне руку. Я этого совсем не ожидаю, но легонькожимаю её.

– Очень приятно, – я улыбаюсь в ответ.

– Так это ты тот самый засранец? – спрашивает она без твонисмущения, видимо, не имея понятия, что значит это слово.

Я еле сдерживаюсь, чтобы не засмеяться, без укора глядя на тебя. А ты изумлённо смотришь на неё, но видно, что не слишком сердисься, так как прекрасно знаешь, что я не удивлён подобному прозвищу.

– Молли! – твоя тётя строго смотрит на неё.

– Это Флоренс так сказала. Я помню. Она как-то пришла и всё ходила по комнате и говорила «чтоб этот засранец провалился». А Флоренс умная. Она всё знает.

– Милая, такие слова говорить нельзя ни тебе, ни кому бы то ни было ещё в этом доме, – Джейн укоризненно косится на тебя. – Это плохие слова. Ты поняла?

Молли кивает.

– А теперь, солнышко, иди на кухню и жди меня там, я скоро приду, – говорит Джейн.

Молли тут же бежит выполнять просьбу. Она понимает, что сделала что-то не так, и хочет исправиться.

Повисает неловкая пауза.

– А что это у вас? Школьное задание? – спрашивает

Джейн, пытаюсь реабилитироваться.

– Литература, – отвечаешь ты нехотя.

– Я могу чем-нибудь помочь?

– Нет.

– Ладно. – Она делает вид, что не замечает твоей холодности. – Тогда, может, принести вам что-нибудь поесть? Уже почти четыре, а вы, когда пришли, наверняка ничего не съели.

– Не стóит, – снова отвечаешь ты, возвращаясь к рисунку.

А вот я не прочь перекусить. Но знаю, что если что-нибудь попрошу, то ты тут же взъешься, да и не хочется обременять твою тётю.

– Нет, спасибо, – как можно вежливее отказываюсь я.

Она понимающе кивает и выходит из гостиной. Снимает плащ в коридоре и идёт на кухню с пакетом в руках.

Я неодобрительно смотрю на тебя, но всё же ничего не говорю. Ты продолжаешь работу, словно ничего не произошло. Неужели ты обращаешься с ней так всегда?

Через пару минут Джейн возвращается в гостиную с огромным блюдом. Никаких изысков: лишь яблоки и тосты с джемом. Но я настолько голоден, что ощущаю, как неприятно урчит в животе.

Ты смотришь на неё исподлобья.

– Если захотите перекусить, – тихо говорит она, ставя блюдо на кофейный столик, прямо посередине, так, чтобы до него было удобно дотянуться нам обоим. – Если что-то

понадобится, я буду на кухне...

– Не понадобится, – шикаешь ты ей вслед.

Она, глядя на тебя через плечо, быстро удаляется.

Как только я слышу её размеренные шаги и звонкий голос Молли в глубине кухни, то тут же взрываюсь:

– Какая же ты всё-таки стерва, – шиплю я так, чтобы они ничего не услышали. – Она к тебе со всей душой, а ты что?

– Ты видел её всего пару секунд. Что ты знаешь о её душе? – парируешь ты, глаза сверкают дьявольским блеском. Кажется, ты набросишься на меня и воткнёшь мне в глаз карандаш.

– Может, ты не знаешь, но это называется вежливость. Я вежливый.

– Ты вежливый болван.

– Лучше быть болваном с душой, чем бессердечным гением.

– Ну, это как посмотреть.

– Смотри как хочешь, а я уйду. – Я встаю с пола, закидываю рюкзак на плечо и иду в коридор. Снимаю куртку с вешалки и уже на пороге надеваю на себя.

– До свиданья, миссис Вёрстайл! – произношу я в сторону кухни.

– До свиданья, Сид, – отвечает она и через пару секунд выходит в коридор, чтобы проводить меня. За её спиной с любопытством смотрит Молли.

– Пока, малышка.

Она машет мне пухленькой ручкой.

Ты шуршишь бумажками в гостиной.

– Мне пора. Было приятно с вами познакомиться.

– Мне тоже, – отвечает Джейн с приятной улыбкой.

Я выметаюсь из дома. На улице к этому времени поднимается жуткий ветер. Я живо спускаюсь с лестницы, держа рюкзак в руках, при этом продолжая неуклюже застёгивать куртку.

– Сид! – вдруг зовёшь ты, выбегая на улицу без верхней одежды. – Ты ещё придёшь?

Я неохотно поворачиваюсь. Ветер завывает нещадно. По двору в бешеном ритме пляшут листья. Я стою у подножия лестницы, но всё равно гляжу на тебя сверху вниз, потому что это первый раз, когда я действительно разозлился на тебя. Но злость длится недолго. Я вижу, как ты замерзаешь, скукоживаешься, сутулишься, стоя на крыльце. Мне становится тебя жалко. Твои волосы уже наполовину выбились из хвоста, на блузке всё так же расстёгнута верхняя пуговица, юбка развеивается на ветру (помню эту серую юбку в тёмно-коричневую полоску, которую ты носила только в школу).

В твоей правой руке огромное ярко-зелёное яблоко. Я заметил его ещё пару минут назад на блюде с едой, принесённом Джейн.

– Да, – говорю я, даже не пытаюсь перекричать ветер. Как я могу тебе отказать?

Ты киваешь, хотя, скорее всего, не слышишь, что я говорю, и аккуратно кидаешь мне яблоко. Я ловлю его и крепко сжимаю, будто это нечто большее, чем просто фрукт. Этот поступок смущает меня и одновременно трогает до глубины души.

– Как только мы закончим эту работу, я больше не потревожу тебя!

Я усмехаюсь, ведь это невозможно – ты тревожишь меня одним своим существованием.

– Мы продолжим в воскресенье после службы.

В это время мы с Питом обычно занимаемся уборкой в доме, но я не решаюсь спорить.

– Ты уверена, что это подходящее время?

Ты киваешь.

– Хорошо, Флоренс.

Ты чуть задумываешься, обводишь двор и соседние дома горестным, полным слёз взглядом, а потом вдруг выдаёшь:

– И всё-таки не понимаю, как ты это терпишь.

Я не уверен, что ты имела в виду, но, судя по всему, не только службы.

Флоренс Вёрстайл

В следующий раз, когда я зашла в магазин «У Барри» с Тритоном, Барри не стал меня отчитывать. Он даже не посмотрел на нас. Я прошла к холодильнику. Барри сидел на стуле недалеко от кассы, смотря телевизор, закреплённый высоко у потолка.

– Добрый вечер, – поздоровалась я. Тритон лёг неподалёку у моих ног.

– Добрый, – ответил он. Хотя, судя по тону, вечер был абсолютно обычный. – Как можно показывать такую белиберду по телевизору? – поинтересовался он. А в этот момент по телевизору показывали шоу, где один мужчина выбирал себе жену из десятка женщин, и при этом они проходили порой совсем уж унижительные испытания.

Я хмыкнула.

– Это просто шоу.

Он поморщился, встал со стула и подошёл к кассе.

– А потом женщины удивляются, что их не воспринимают всерьёз, – проворчал он скорее самому себе. – Одно шоколадное? – спросил он так, словно я ходила сюда всю жизнь.

Я кивнула, и он достал из холодильника шоколадное мороженое. Интересно, как оно хранится в холодильнике, если вечером отключают свет? Или это не распространяется на магазины?

– Многие женщины и не такое делают, чтобы выйти замуж, – сказала я позже, глядя на экран, – они боятся, потому что считается, что женщины, которые не выходят замуж, умирают в одиночестве.

– Ага, а все остальные сначала выходят замуж, а уже потом умирают в одиночестве, – отметил он. Я не стала спорить, лишь протянула ему деньги. В этот раз ровно столько, сколько нужно.

– Когда будешь выбирать себе мужа, руководствуйся одним-единственным правилом, – он внимательно посмотрел на меня светлыми, почти прозрачными голубыми глазами, – красивой должна быть только женщина, а мужчина – уметь зарабатывать и не тиранить в доме.

– А если женщина некрасивая?

– Тогда она должна быть в два раза умнее красивой, – ответил он просто, будто это очевидно.

– То есть в четыре раза умнее мужа? – иронично предположила я.

Он усмехнулся, с гордостью взглянув на меня, и передал покупку.

– А ты схватываешь на лету, Флоренс из дома с фиолетовой крышей.

– Спасибо, Барри. За мороженое... и за совет.

Сид Арго

В середине сентября каждый старшекласник Корка сдаёт тест, включающий основные школьные дисциплины, начиная с математики и физики, заканчивая английским и французским языками. Это никак не влияет на оценки и средний балл, только на общественную жизнь школы.

По результатам теста выбирается самый умный старшекласник, который станет членом школьного совета. А значит, сможет влиять на происходящее в школе. В том числе и предлагать правила, которые в итоге войдут в школьный Устав.

Эта система кажется довольно запутанной, но на самом деле всё проще простого, потому что с тех пор как мы перешли в старшую школу, членом совета неизменно оказывается Брэндон Реднер. Не то чтобы я настолько глуп для предлагаемого теста, но, честно говоря, у меня никогда не возникало желания победить Брэндона. Каждый в школе давно свыкся с тем, что Реднер главный. Для нас всех это почти так же естественно, как дышать, и никто не пытается оспаривать его превосходство. Хотя было бы здорово изменить пункты школьного Устава, предложенные им. Например, в школе запрещено носить вещи любых цветов, кроме чёрного, белого, серого, зелёного, синего и коричневого (будто это отвлека-

ет от процесса получения знаний?). Девочки могут ходить только в юбках (будто это поможет нам бороться с феминизмом?). И многие другие средневековые безумства.

В этом году, конечно же, никто не ждёт сюрпризов. Поэтому, когда мистер Прикли, также являющийся членом школьного совета, собирает нас в библиотеке, Реднер (с Дороти) усаживается поближе к проходу, готовясь предстать перед всеми.

– Не скрою, с начала подсчёта результатов никто не ожидал никаких сюрпризов, – начинает Прикли, держа в руках один-единственный лист, – однако в этом году всё пошло не по привычной схеме, чему я, честно признаюсь, несказанно рад.

Брэндон явно недоволен последней репликой, но Прикли никогда не скрывал холодно негативного отношения к нему. Все остальные с опаской воспринимают подобное заявление учителя. Поменять одного из членов школьного совета – большое дело. Вот только кто решится на такую глупость? Противостоять Реднеру – очевидная форма социального самоубийства в школе Корка.

– В этом году у победителя рекордное количество баллов: девяносто два.

Максимум теста – сто баллов (по десять баллов за каждый предмет, которых тоже десять), так что кто-то на задних рядах громко присвистывает. По библиотеке разносится шёпот.

– Как все знают, в прошлом году лучший результат показал Брэндон Реднер, получив восемьдесят семь баллов.

Все снова начинают перешёптываться. Я сижу, ни с кем не переговариваясь, но мысленно торжествую: даже подгравшая индейка будет лучше Брэндона на этой должности.

– Что ж, давайте поздравим нашу новую ученицу Флоренс Вёрстайл.

Все впиваются взглядом в тебя, и в библиотеке воцаряется тишина. Никто не хлопает, хотя, если бы объявили Брэндона, аудитория тут же разразилась бы бурными аплодисментами.

– Брэндон Реднер в этот раз занял второе место, набрав восемьдесят пять баллов.

Брэндон откидывается на спинку стула, облегчённо выдыхая. Он смотрит на тебя с превосходством, спокойно улыбаясь. Вот уж не знаю, что заставило его так радоваться.

Чуть позже он, не дожидаясь объявления третьего места, встаёт с таким видом, словно вот-вот получит корону. Прикли сникает. Похоже, мало кто понимает, что происходит. Все знают Устав наизусть, но правила, касающиеся школьного совета, а тем более выборов в него, никто не запоминает, потому что никто не посмеет конкурировать с Брэндоном.

– Это в какой такой вселенной девяносто два меньше восьмидесяти пяти? – интересуешься ты, не вставая с места, находящегося почти у самого выхода.

– Таков школьный Устав, – заявляет Реднер спокойно.

– Пренебрегающий законами математики?

– Нет, – отзывается Брэндон подчёркнуто вежливо, понимая, что в его кармане не понятный никому козырь. – Согласно Уставу членом совета не может стать ученик, который не проучился в школе Корка больше года.

– И с самого начала это не было упомянуто, потому что очевидно, что... – на пару секунд ты карикатурно изображаешь задумчивость, – выиграешь ты?

Никто не отвечает на этот выпад. В глубине души все знают, что это правда.

– К сожалению, такое правило действительно существует, – подтверждает Прикли, не желая доводить дело до скандала, – но, получив результаты, мы посоветовались с остальными членами совета и решили, что в правила пора внести поправки. Мы проведём эксперимент: в этом году в состав совета войдут два ученика.

Все шокированы новостью, поэтому начинают живо обсуждать её в полный голос. Довольны все, кроме виновников торжества.

– Когда вы это обсуждали, я всё ещё был одним из членов совета. Вы сделали это за моей спиной! – заводится Реднер.

– Да, но ты в этом вопросе слишком заинтересованное лицо, чтобы иметь право голоса, – отвечает Прикли.

– О чём мы вообще здесь говорим? Я выиграла. Он второй. Почему я должна делить с ним своё законное место? – возмущаешься ты, вставая со стула.

– Единственный, кому придётся делить своё законное место, – это я, – парирует Реднер. – Ты не имеешь права быть в совете. Скажи спасибо и за это.

– Это правило такое же абсурдное, как и все остальные, придуманные тобой, – заявляешь ты, надевая красный вырви глаз рюкзак на плечо.

Остальные внимательно наблюдают за перепалкой. Уверен, к завтрашнему дню эта ссора обростёт кучей новых несуществующих подробностей.

– Смени рюкзак, Вёрстайл, – говорит Брэндон, видимо, пытаясь почувствовать остатки прежней власти. – Красный цвет в школе запрещён! – напоминает он тебе вдогонку.

– Не переживай, это ненадолго, – отвечаешь ты, глядя на него так, словно готова придушить, и выходишь из библиотеки.

Как выясняется позже, третье место занимает Синтия Милитант, но после произошедшей ссоры это никого не волнует.

Пожалуй, именно решение принять в совет одновременно двух учеников послужило открытию «военных действий» в школе Корка.

Флоренс Вёрстайл

Первое собрание школьного совета, как и все последующие, проходило в кабинете директрисы, превосходящем по размерам почти любой кабинет в школе. На первой встрече выяснилось, что школьный совет, не включая меня и Брэндона, состоит всего из шести человек: директрисы Тэрн, её заместителя, Прикли, мисс Блейк, школьного психолога и мистера Супайна. Прикли оказался единственным, кто внушал хоть какое-то доверие.

Самым ярким, если не сказать ярым, поставщиком новых правил был Брэндон Реднер. На первом собрании он предложил внести кардинально новое изменение в школьный устав. Он считал, что в Корке пора ввести строгий дресс-код: белый верх, чёрный низ. Будто с прежним ограничением по цветам он недостаточно взял всех за горло. Честно говоря, к тому времени любые вопросы, касающиеся одежды, так раздражали, что казалось, проще прийти в школу голой, нежели пытаться угодить школьному совету.

– Думаю, школьный дресс-код сделает всех равными. Ни у кого не будет лучших джинсов или кроссовок. Ученики смо-

гут сосредоточиться только на учёбе, – говорил Реднер, выступая перед остальными.

Мистеру Прикли идея не пришлась по душе, а вот школьный психолог и все остальные, включая заместителя директрисы, восприняли идею положительно.

Закончив, Брэндон вернулся на место, судя по виду, жутко гордый сам собой. Следующей и последней выступала я. Моя позиция была предельно проста:

– Я понимаю, что мы не можем сделать нормой декольте и прозрачные ткани, но ограничение базой из шести цветов – это безумие. Поправка насчёт юбок – это прошлый век. Я считаю, что мы должны отказаться от любых правил, запрещающих какие-либо цвета и ткани.

– Мисс Вёрстайл, вы, кажется, заблуждаетесь насчёт того, чем именно мы занимаемся, – ответила директриса. – Мы занимаемся принятием правил, а не их отменой, – продолжила она, чётко выделив слово «принятием».

– Что же это за бесполезная система, где ничего не предпринимается для устранения того, что не работает? – так же серьёзно парировала я. Ответа не последовало. Впрочем, и вопрос был риторическим.

Моё выступление оказалось самым коротким и самым неуслышанным.

В итоге в устав внесли поправку о штрафе за хождение по школьному газону. Мистер Тэрн также заявил, что предложение Брэндона будет рассмотрено, и если бóльшая часть

совета проголосует за, то в школе введут дресс-код.

Сид Арго

В пятницу к нам на ужин приходят Рэмы. На этот раз мистер Рэм в компании не только жены, брюнетки с ехидным лицом, но и сына Кевина. Стоит признать, что Кевин – пожалуй, самый приятный член этой семьи. Мистер Рэм же высокий, крупный, с непропорционально длинными руками и чересчур массивной шеей, работает в полиции, сколько я себя помню, поэтому почти всегда ходит в форме. Он не отличается ни умом, ни сообразительностью. За него это делает миссис Рэм, невероятно отталкивающая особа. Она мечтает о том, чтобы сын получил стипендию за достижения в баскетболе и поступил в колледж. Поэтому она только и занимается тем, что пилит Кевина за оценки, которые, в отличие от спортивных навыков, у него хромают на обе ноги.

В конце недели я абсолютно вымотан и к приходу Рэмов не готов ни морально, ни физически. Но, приглашая их, отец не спрашивает моего мнения.

Перед ужином мы, как обычно, молимся, теперь уже с Рэмами, потом принимаемся за еду. Тем для беседы не счесть, но Рэмы говорят в основном о мистере Вёрстайле. Отец присоединяется к обсуждению, хоть и без прежнего энтузиазма. Все родители, кроме моей мамы, сохраняющей благоразумный нейтралитет, жутко им недовольны, потому что он чи-

хоть хотел на правила Устава.

После ужина мы с Питом и Кевином идём в гостиную. Родители остаются разговаривать на кухне. Мы смотрим одну из документалок National Geographic. Что-то про инженерию. Я не слишком вникаю. Этим увлекается Пит. Брат пересматривает этот фильм уже в десятый раз, так как у нас их немного. Когда мы выезжаем в Филадельфию, обычно за подарками на Рождество, Пит умоляет родителей купить ему хотя бы один диск с новым фильмом, ведь в Корке подобного не достать.

– Сид, – вдруг обращается ко мне Кевин, и по его тону я понимаю, что сейчас начнёт что-то просить. – Ты эссе по французскому не писал ещё?

– Нет, – без зазрения совести вру я, хотя на самом деле сделал его ещё три дня назад, потратив на это полдня, ведь я и сам не слишком хорош во французском.

– Жалко, – говорит он, серьёзно задумываясь, видимо, не ожидая такого категоричного ответа. – А когда сделаешь, дашь мне ну... посмотреть?

Я укоризненно смотрю ему в глаза.

– Издеваешься? – повышаю я голос. – Блейк будет читать их, и, может, ты и не знаешь французского, но она знает, и, думаю, заметит, что ты всё скатаешь слово в слово.

Блейк – наша учительница французского, элегантная блондинка лет сорока.

– Так я не слово в слово, – тут же находится он.

Я фыркаю.

– Нет, Кевин. Так не пойдёт.

– И что ты за друг такой? – надувается он, скрещивая руки на груди.

Он всегда так делает, когда я ему в чём-то отказываю, а в последнее время это происходит всё чаще. По правде говоря, мы никогда не дружили, а общаемся только потому, что отец нашёл общий язык с мистером Рэмом.

– Если я и французский завалю, меня попрут из команды, и тогда прощай, сборная. Мама меня убьёт...

Ближе к концу вечера мы начинаем все вместе смотреть наши семейные фотографии, а миссис Рэм так ими восхищается, будто видит впервые. Это самая отвратительная часть вечера. Одна из фотографий почему-то врезается в память больше всего. На ней мне лет шесть, и это день, когда я в первый раз иду в школу. Я совсем маленький, но глаза серьезнее некуда, и на следующих фотографиях то же самое. Раньше я этого не замечал.

Я смотрю на себя со стороны, медленно проникаясь отвращением к самому себе. Мне никогда не нравилось, как я выгляжу. Сейчас, конечно, ситуация немного лучше, чем в детстве. Но всё равно, в отличие от тебя, я далёк от идеала: не слишком высокий, худощавый, с рыжими, постоянно торчащими в разные стороны волосами, бледный, покрытый с ног до головы веснушками, со стеклянными серо-голубыми глазами и с белёсыми ресницами. В общем, как говорит

Пит, тот ещё чудик. И почему, собственно говоря, я решил, что такая, как ты, обратит внимание на такого, как я? Скорее тебе понравится Кевин, выглядящий благодаря высокому росту почти моделью.

Из-за всех этих фотографий и мыслей, которые они за собой влекут, на меня накатывает грусть. Я говорю родителям, что у меня болит голова, и удаляюсь в свою комнату, захламлённую в основном учебниками и тетрадями. Рассматриваю себя в зеркале, тихо выругиваюсь, морщусь, а после ложусь спать, накрываясь с головой.

* * *

Утром в воскресенье я объясняю родителям, что мы с тобой готовим задание по литературе и поэтому после службы пойдём к тебе. Папа воспринимает эту новость с недовольством, но ничего не говорит – учёба превыше всего. Мама радуется, что у меня, наконец, появился друг (хотя я сказал, что мы не друзья), и заодно отчитывает за то, что я не пригласил тебя к нам. Я обещаю ей, что обязательно это исправлю, но, конечно же, этого не сделаю.

Мы с тобой уходим из церкви вместе, из-за чего, я думаю, по всему городу поползут сплетни. Но тебя это, как я вижу, не слишком волнует. Не знаю почему, но именно в то утро я замечаю, как тебе идёт чёрное платье, которое ты надеваешь только на службы.

– Можно у тебя кое-что спросить? – интересуюсь я, когда мы отходим от церкви на приличное расстояние.

Ты пожимаешь плечами. Я прочищаю горло.

– В первый раз, когда мы увиделись в церкви, ты на меня так странно посмотрела. Что ты подумала?

– Что я подумала? – бестолково переспрашиваешь ты.

– Ну... обо мне.

– С чего ты взял, что я о тебе вообще что-то думала?

– Ты посмотрела прямо в упор на меня, естественно, ты должна была что-то подумать.

– В тот день... – ты чуть запинаешься, но после продолжаешь: – В тот день я впервые пришла в эту церковь на службу. Я этого не хотела. Я ненавидела весь мир за то, что отец заставил меня это сделать. Я сидела тогда, глубоко задумавшись, злясь на всех окружающих и саму себя, а потом вдруг у меня будто спина загорелась. Я физически почувствовала, что на меня кто-то смотрит. Но, конечно, я не знала кто. И когда увидела тебя... ты отличался от других, – ты вспоминаешь, глядя вдаль, – ты сидел там, но тебя там не было, так же как и меня.

– И всё?

– И всё.

– И даже не подумала: «Что это за придурок на меня смотрит?»

– Нет, – отвечаешь ты строго. – Ты не показался мне придурком. Ты показался мне интересным.

– Интересным? – удивлённо переспрашиваю я.

– Что такое?

– Я сейчас немного потерял дар речи.

– Я открыла для тебя что-то новое?

– Извини... – начинаю я, пытаюсь вернуть разговор в понятное для меня русло, – но разве не я буквально пару дней назад назвал тебя стервой?

– А я пару недель назад назвала тебя засранцем. Мы квиты.

– Значит ли это, что ты всё-таки хочешь со мной общаться?

– Мы просто работаем над общим проектом, забыл?

– Это да, – непонятно бурчу я.

Поднимается ветер, не щадящий твои аккуратно заплетённые волосы.

– Ну а... ты уже привыкла к службам?

– Знаешь, я как-то решила послушать Патрика и поняла, что мозги он мне промыть не сможет. Я всё равно этим не проникнусь, сколько бы служб мне ни пришлось посетить.

– И в Бога, я так понимаю, ты тоже не веришь?

– А с чего бы? Я его никогда не видела.

– Жирафов ты тоже не видела, но это не значит, что их нет.

– Так ты, оказывается, верующий?

– Я всегда верил, – признаюсь я совершенно искренне.

Я верю в Бога, хотя и не имею понятия, каков он, но я

верю. Другое дело, что я не считаю, что он связан с церковью.

– Без доказательств? Просто так?

– Да.

– А я верю в свою семью: в отца, в Джейн, в мою Молли, даже в этого безухого кота Августа. Как-то проще получается, когда ты что-то видишь. Действительно видишь.

– Значит, в воздух ты тоже не веришь?

– Это другое.

– Чем же? Его же ты тоже не видишь.

– Да, но я могу опытным путём доказать, что он есть.

– И как же? – хмыкаю я.

Ты останавливаешься и закрываешь мой рот ладонью, зажимаешь нос и держишь так почти целую минуту, пока я не вырываюсь, начиная задыхаться. Освободившись, я глубоко вдыхаю.

– Видишь, – победно и вместе с тем спокойно заключаешь ты, продолжая путь.

– В любом случае я верю в Бога, независимо от того, увижу ли я его когда-нибудь. Можно поверить во что-то и не видя, ведь вера идёт изнутри.

– И где же твой Бог, когда в мире творятся такие страшные вещи?

– Я обязательно поинтересуюсь у него, когда, – я осекаюсь, – если... я его встречу.

– И это всё?

– Слушай, я не знаю. Пути Господни неисповедимы.

Так же как Адаму и Еве, нам всем даётся выбор. Может, потому что жизнь на земле – это лишь переход к духовному.

– Не существует ничего духовного! Нигде! Ты тянешь жилы, со временем стареешь, а потом гниёшь в земле, попутно поедаемый червями. И всё тут.

– Очень... ободряюще. И почему в твоей точке зрения больше смысла?

– А почему ты везде ищешь смысл? – парируешь ты, отвечая вопросом на вопрос.

– Наверное, потому что мне хочется верить, что все эти семь миллиардов, включая и меня, появились не напрасно.

– Довольно самонадеянно, тебе так не кажется?

Ты останавливаешься. Мне приходится сделать то же самое. А вот ответить я не успеваю.

– Вы не верите в Бога, вам на самом деле всё равно, как он выглядит, и встретитесь ли вы с ним когда-нибудь. Вам просто легче существовать с осознанием того, что есть кто-то могущественнее вас, кто скажет, что нужно делать, любящий вас, несмотря ни на что. И куда проще жить, осознавая, что любые проблемы и душевные метания будут решены, если очень долго просить. А самое главное – куда проще мириться со смертью, зная, что прощение за что угодно будет даровано, стоит только покаяться. Но всё это притворство.

– Да, ты права, мы настоящие лицемеры, – отзываюсь я язвительно, но спокойно. – А допустим на минуту, что Бога не существует. Тогда почему ты здесь вся такая аккуратная

и правильная, желающая поступить в Гарвард? Почему, скажем, не придёшь в школу и не перестреляешь всех нас?

– Думаешь, я на это способна? Думаешь, я сумасшедшая? – спрашиваешь ты хладнокровно, без малейшей обиды в голосе.

– Нет, – отвечаю я, помешкав несколько секунд.

– А я сумасшедшая. – Ты ближе подаёшься ко мне. – Если ты думаешь, что желание получить больше знаний, чем остальные, делает меня правильной, то ты глубоко ошибаешься. Я не святая, никогда не была и не буду. И я делала такие вещи, о которых жалею до сих пор, которые грызут меня изнутри каждый день. У меня много недостатков, но за последнее время я приобрела одно очень важное достоинство: умение оценивать собственные поступки. Я знаю, когда совершаю ошибки. Я знаю, что хорошо и что плохо. И для этого мне не нужна вера в невидимое что-то за облаками, которое, может быть, лишь может быть, существует там. Я не замаливаю грехи, мне не нужно прощение, потому что так или иначе они останутся со мной, как и память о них. Я думаю, это серьёзное наказание, ведь они мучают меня и по сей день. Так что вот почему я не приду и не перестреляю всех вас, хотя не буду отрицать, что иногда мне этого хочется.

– Не скажу, что это сильно успокаивает.

– Оно и не должно.

– Может, тебе это и не понравится, но, несмотря на то, что ты считаешь себя плохим человеком, у тебя есть как мини-

мум ещё одно хорошее качество.

– Умение чётко строить сложные предложения?

– Нет. Совесть.

Ты ничего не отвечаешь, и на какое-то время повисает тишина. Но рядом с тобой она не кажется неловкой. Мы снова начинаем идти.

– В таком случае я вот чего не пойму: зачем тебе членство в совете? Тебе плевать на этот город, он тебе не нравится.

– Я не привыкла отчитываться за каждый чих. Меня это напрягает.

– И что же ты собираешься делать?

– Реформацию. Или революцию. Как пойдёт, – говоришь ты, – я изменю ситуацию, чего бы мне это ни стоило, потому что происходящее здесь в корне неправильно. В итоге останется два варианта: либо я изменю этот город к лучшему, либо уничтожу его.

– ...Либо он уничтожит тебя, – бубню я себе под нос, не в силах противостоять напору.

– Я должна постараться ради своей сестры. Я смогу выбраться отсюда через год, она – нет. Она должна жить в лучшем месте.

– Пару секунд назад ты говорила, что делаешь это для себя.

– Я не думаю, что Молли понравится сложившаяся ситуация, когда она начнёт соображать чуть больше.

– Не хочу тебя расстраивать, но у тебя ничего не выйдет.

– С чего ты взял? Ты пытался?

– Говорю тебе, ты потерпишь поражение.

– Значит, пытался?

– Просто я знаю это место! – я чуть повышаю голос.

– Так ты пытался?

– Нет!

– Вот что меня бесит в современном поколении: сдаётся, даже не попробовав.

– Слушай, я не Мартин Лютер⁶. Я всего лишь подросток, и ты тоже. И я говорю тебе, никто не станет слушать, как бы права ты ни была.

Ты молчишь, зная, что спорить бесполезно, потому что я прав.

– Почему вы все такие лицемеры?

Я не отвечаю на этот выпад.

– Я уверена, что многих не устраивает происходящее. Но вы как живые стены, – заявляешь ты недовольно, – что бы плохого или несправедливого ни случилось, от вас это либо отскакивает, либо пачкает, но вы всё равно стоите дальше, не пытаясь ничего изменить.

– Говорю тебе, не ввязывайся в это. Тебя уничтожат. Они тебя сломают, – продолжаю я, пытаюсь тебя образумить.

Ты задумываешься о чём-то своём, тихо негодуя. Я молчу, не хочу больше ссориться.

⁶ Знаменитый германский церковный реформатор, основатель евангелическо-лютеранской церкви.

– Сид! – раздаётся сзади.

Я удивлённо оборачиваюсь. Кому бы это я мог понадобиться? Ты тоже оборачиваешься и, судя по виду, задаёшься примерно тем же вопросом.

– Привет, как дела? – спрашивает Милитант.

Синтия Милитант живёт напротив дома с фиолетовой крышей, а ещё она ходит со мной на физику и биологию. Рядом с ней её младший брат Том, как обычно смотрящий на всех с опаской не по годам взрослым взглядом.

– Вот со службы идём. – Я киваю в твою сторону: – Синтия, Том, это Флоренс...

– Я знаю, – тут же прерывает она.

Я теряюсь.

– Мы живём по соседству, – объясняешь ты.

Мне становится не по себе, и всё потому, что отец Синтии и Тома, мистер Милитант – воинствующий католик. Он ходит на все службы. Молится всегда и везде, по любому поводу. Соблюдает все католические посты. И самое главное – он не приемлет атеистов, вообще за людей их не считает и к этому же постепенно приучает своих детей. Поэтому мне страшно, ведь услышь они, что ты говорила пару минут назад, и для тебя бы уже готовили милитантский костёр инквизиции. Да и меня бы на дрова пустили, как знающего о твоём отношении к Богу и никому не доложившему об этом.

– Нам пора, – говоришь ты, тоже чувствуя, что лучше с ними не связываться.

– Хорошего дня, – желает нам Синтия вежливо, но при этом подозрительно глядя на тебя.

– Спасибо, и вам тоже, – отзываюсь я, пытаюсь смягчить ситуацию, но ты ей всё равно не нравишься. Уж не знаю, как они это делают, но у Милитантов нюх как у собак: таких, как ты, они чуют за версту.

– Живо уходим отсюда! – шепчу я. Ты и не думаешь сопротивляться.

Когда мы отходим от них на безопасное расстояние, я считаю нужным провести небольшую лекцию.

– Знаю, моё мнение ты ни во что не ставишь, – начинаю я, – но сейчас слушай внимательно и не перебивай. Не вздумай с ними связываться и вообще ни с кем в этом городе! Они съедят тебя и не подавятся. Им даже жевать не придётся. Они будут тебе улыбаться и желать хорошего дня, возможно, позовут тебя к себе на обед, но это всё потому, что они чувствуют в тебе угрозу.

– А в тебе они её не чувствуют?

– Я не угроза, – шепчу я.

– Может, ты и сам этого не осознаёшь, но благодаря такому, как ты, их система никогда не будет работать. Для них главное не только, чтобы ты ходил на службы, а чтобы верил, а в церковь ты никогда не поверишь. Она для тебя такой же инородный элемент, как для меня.

– Прошу, последуй моему совету, иначе вы тут надолго не задержитесь. Её отец – член городского совета, а тётя –

директриса, как ты понимаешь, далеко не последние люди в Корке.

– Я не верю не потому, что мне так хочется. У меня на это много причин. Я знаю, что говорю. Церковь – один из главных источников всего порочного, что только существует на земле. А этот город почитает её как святыню. Этот город отнял у меня слишком много...

Ты отводишь взгляд, живо о чём-то размышляя.

– Нам нужно писать про Толстого, – говорю я через минуту, пытаюсь перевести тему. Ты следуешь за мной.

– Можно тебя кое о чём спросить?

Ты поднимаешь усталый взгляд.

– Только ни слова о церкви.

– Нет, сегодня с нас хватит.

– Тогда валяй.

– Молли... – я чуть мнусь. – Кто её отец?

Ты осуждающе смотришь на меня. Конечно же, понимаешь, к чему я клоню. Ведь если она дочь твоего отца и Джейн, то, возможно, именно в этом кроется причина ненависти к ней, а если нет, то тогда я не понимаю, почему ты так относишься к своей тёте.

– Я не буду обсуждать мою Молли.

Мы заходим во двор. Я останавливаюсь у калитки.

– Но если ты не скажешь, я буду долго ломать над этим голову и придумаю себе невесть что.

Ты поворачиваешься и пару мгновений что-то обдумыва-

ешь, а потом резко поднимаешь взгляд.

– Флоренс...

– Моя тётя – жена моего отца. Молли – их дочь. – Ты сжимаешь челюсти так, что, кажется, твои, зубы раскрошатся, как корка свежеиспечённого хлеба. – И больше мы к этой теме не возвращаемся. – Ты быстро поднимаешься по лестнице на крыльцо, попутно снимая ветровку.

Похоже, зря я спросил об этом – теперь мне хочется узнать ещё больше.

* * *

Работа над Толстым стопорится, так как в следующие выходные у нас нет возможности встретиться. Ты не приходишь в школу уже в пятницу и говоришь, что твои выходные будут заняты подготовкой к академическому оценочному тесту для юридических вузов⁷, который пройдёт в понедельник и результаты которого требует в том числе и Гарвардская юридическая школа.

Мы договариваемся, что я приду к вам вечером во вторник.

Выходные проходят в пронзающей до костей меланхолии,

⁷ LSAT (а также «Law School Admission Test», дословно «Вступительный тест для юридических вузов») – это стандартизированный тест, который проводится четырежды в год в специализированных центрах по всему миру. Данный тест рассчитан на потенциальных поступающих в юридические вузы США.

от которой к воскресенью становится дурно. Никто не язвит, не философствует, не хаёт Бога (хотя это я больше всего терпеть не могу), не испепеляет недовольным взглядом и не каменеет на службе. Вас просто нет, словно тебя и твоей семьи никогда не существовало. Это больно.

Мы встречаемся на английском, точнее, встречаемся только взглядом, ведь ты заходишь в класс ровно со звонком, и у меня не остаётся времени, чтобы сказать тебе что-нибудь. Я сразу же замечаю, что с тобой что-то не то. Ты бледнее, чем прежде, вся растрёпанная, хотя обычно в школе твои волосы аккуратно заплетены.

После занятий я не успеваю тебя нагнать и в толпе тебя не замечаю – ты без красного рюкзака.

Я прихожу к вам к шести часам вечера, как мы и договаривались. Дверь открывает твоя тётя. Она тоже осунулась. Я начинаю серьёзно беспокоиться.

– Добрый вечер, Сид, – её губы трогает лёгкая улыбка.

– Здравствуйте. А где Флоренс?

– Она в своей комнате.

Я растерянно гляжу в сторону второго этажа.

– Второй этаж, прямо, а потом вторая дверь направо, – объясняет она, пытаясь показать путь руками.

Я улыбаюсь и киваю. Всё-таки твоя тётя очень хорошая. Конечно, я не Лакан⁸, но я так чувствую.

⁸ Жак Лакан – французский философ и психиатр. Одна из самых влиятельных фигур в истории психоанализа.

Вешаю куртку в коридоре и поднимаюсь. Останавливаюсь у твоей двери. Вдыхаю и выдыхаю. Захожу. Будь что будет.

Твоя комната – отдельный мир или даже вселенная. Всё загромождено и заставлено, но при этом видно, что ничего нигде не валяется. Всё на своих местах. Книги, лежащие на полу, находятся там, где и должны, а другого места им и нет, ведь книг у тебя больше, чем шкафов, где их можно было бы разместить.

На улице светло и, несмотря на ветер и холод, всё ещё светит солнце. Его лучи освещают твою комнату. В воздухе пляшут частички пыли.

В этой комнате мне многое нравится, но многое и удивляет. Во-первых, здесь нет зеркал. Вообще. И для девчачьей спальни это кажется очень странным – девчонки же любят на себя пялиться. Разве нет? Во-вторых, нет никаких баночек и коробочек с косметикой, разве что пара флакончиков на прикроватном столике. Ничего яркого и кричащего, а также розового, хотя я думал, что у всех девчонок что-нибудь в комнате должно быть розового цвета. Твоя комната больше напоминает кабинет древнего сумасшедшего учёного, нежели старшеклассницы. Вокруг одни книги. Они везде.

– Привет, – после затянувшегося осмотра местности говорю я.

Ты сидишь на кровати ко мне спиной и крутишь в руках что-то мелкое. Ты не сразу замечаешь меня, но спустя пару секунд всё же одариваешь безжизненным взглядом, а потом

снова смотришь в окно, хотя, скорее всего, даже не видишь, что за ним происходит.

– Что случилось? Ты в порядке? – интересуюсь осторожно, подходя ближе к кровати.

Ты продолжаешь что-то крутить в руках. Этим чем-то оказывается кольцо с ярким зелёным камнем. Интересно, чьё оно? На тебе я его никогда не видел. Ты открываешь выдвижной ящик прикроватного столика, кидаешь в него кольцо и со злостью закрываешь.

– Флоренс?

– Почему все так зовут меня, я ведь никогда не была во Флоренции?⁹ – почти срываешься ты.

– Что случилось? Как прошёл твой тест?

Ты тяжело выдыхаешь.

– Я не хочу об этом говорить. Давай работать над заданием. – Ты хватаешь очки и водружаешь их на переносицу. Я не знал, что у тебя проблемы со зрением.

Ты живо поднимаешься с кровати, стряхиваешь с джинсов невидимую пыль и берёшь со стола ноутбук, мои записи и свои рисунки, которых стало больше (видимо, ты работала, пока меня не было). После чего раскладываешь это всё на полу и садишься рядом, опираясь спиной на кровать.

Я сажусь напротив и неотрывно смотрю в твои глаза – кажется, они сейчас вылезут из глазниц, настолько больными

⁹ В английском языке имя Флоренс омонимично названию города Флоренции (англ. Florence).

смотрятся. Ты делаешь вид, что моментально погружаешься в работу. Я на коленях подвигаюсь к тебе, осторожно беру за подбородок и поднимаю твоё лицо так, чтобы лучше видеть глаза. Ты опускаешь взгляд, хотя знаешь, что я не отстану. В таком положении мы замираем секунд на тридцать. В конце концов ты решаешься взглянуть на меня. Белки пронизаны красными лопнувшими прожилками. Что же ты с собой сотворила?

– Глаза красные. – Глупо, конечно, получается, будто ты сама об этом не знаешь.

– Я не плакала, – отвечаешь ты. – Просто новые линзы мне не подходят. К тому же я не спала всю ночь.

– Так нельзя. Будешь продолжать в том же духе и рано или поздно заболеешь.

– Что ты так печёшься? Ты мне не нянька!

– Я беспокоюсь, – признаюсь я тихо, отодвигаясь, потому что твои губы, находящиеся так близко, меня слегка отвлекают.

– Не стбит. – Ты начинаешь неловко разбирать бумажки. – Я того не стою.

Иногда ты меня жутко пугаешь. Вообще-то в последние дни почти всегда. Ты не смотришь на меня, полностью сосредотачиваешься на том, что мы успели сделать ещё на тех выходных. С одной из бумажек замираешь на пару секунд, а потом кладёшь её к остальным. Я успеваю заметить, что на ней написано.

– «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему»¹⁰, – цитирую я, вынимая вырезку из общей кучи. – Для тебя это сейчас как никогда актуально, да?

Мне действительно хочется знать, ведь видеть тебя в таком состоянии и не понимать, что происходит, болезненно.

– Не надо, – умоляешь ты, понимая, что я буду допытываться. Впервые в жизни ты просишь так искренне и так обречённо. – Пожалуйста. Не надо.

– Пообещай, что такой я тебя больше не увижу. И договоримся на этом, – предлагаю я серьёзно, хотя, конечно, надеюсь, что смогу выведать всё позже, когда ты отойдёшь.

Ты поджимаешь губы, пытаешься улыбнуться, и киваешь.

Больше мы не произносим ни слова. Приступаем к работе. Почти целый час сидим молча. Это мучительно, потому что мне не терпится поговорить хоть о чём-нибудь. Пусть я и не скажу этого, но всё же мы не виделись целые выходные, и я скучал.

Молчание прерывается, когда в комнату заползает Молли. Сегодня она в голубом платье, которое ей очень идёт, в руках рисунок.

– Фло... можно я войду? – И это могло бы быть очень вежливым, если бы она уже не вошла.

– Ты уже тут, Пупс, – усмехаешься ты. Тебе явно стано-

¹⁰ Цитата из романа Льва Толстого «Анна Каренина», начинающая произведение.

вится лучше, когда ты её видишь. И мне, кстати, тоже.

Она хлюпает носом и неуклюже подходит к тебе.

– У меня не получается, – говорит она расстроено, – помоги мне... пожалуйста. – От её «пожалуйста» даже у меня разрывается сердце.

Ты берёшь рисунок.

– Привет, Сид, – вдруг говорит она, словно только что меня заметила.

– Привет... – мне тоже хочется назвать её Пупсом, потому что мне кажется это милым и ей это прозвище подходит, но тут же осекаюсь, – ...Молли.

– Некрасиво. Правда? – спрашивает она по поводу рисунка.

Ты поворачиваешь его, чтобы я мог высказать мнение эксперта, хотя в живописи я разбираюсь как свинья в апельсинах. Да и к тому же что бы Пупс ни нарисовала, я бы заверил её, что она в тысячу раз лучше всяких там Леонардо да Винчи, и неважно, что она не знает, кто такой этот дядька со странным именем.

– Мне очень нравится, – говорю я, глядя на рисунок.

На нём изображена вся семья. Взгляд ребёнка не подделать. По этому рисунку можно многое сказать о вашей семье. Вот мистер Вёрстайл: в костюме, с галстуком, деловым портфелем и мобильным в руках. Видимо, всегда занятой.

Рядом с ним твоя тётя. В одежде Джейн меня ничего не смущает, больше напрягает то, что она стоит за твоим от-

цом, хотя обычно дети не задумываясь рисуют всех на одной линии. Значит ли это, что твой отец полноправный и неоспоримый глава семьи?

Возле Джейн Молли изобразила саму себя в том самом голубом платье, в котором она сейчас. На рисунке она единственный человек с улыбкой, хотя опять же, помню, что Пит тоже рисовал что-то подобное и у него поголовно все улыбались, а я был весь в веснушках. Он рисовал их и на одежде, хотя очевидно же, что там их быть не должно.

С правого края на рисунке находишься ты – самый интересный персонаж, которого даже Молли трудно разгадать, хотя всех остальных она показала очень точно. Ты в тёмно-бордовой юбке по колена и в жакете такого же цвета, судя по всему, это форма какого-то учебного заведения. Рядом с тобой стопка книг. Ты в очках. И, в принципе, это всё, что я вижу в твоём образе, хотя всё же одна интересная деталь присутствует. Несмотря на то, что в левом углу светит солнце, над тобой большая чёрная туча, из которой дождь льётся прямо на тебя. И что бы это могло значить?

– Молли, а это что? – я тыкаю пальцем в тучу.

Ты отворачиваешь от меня рисунок, но снова на него не смотришь, потому что, скорее всего, знаешь, почему над тобой туча.

– Фло в последнее время грустная. С ней такое бывает. Это всё из-за дождевых туч. Дождь никто не любит. Ну а потом тучи проходят, и всё снова становится хорошо, – объяс-

няет она, забирая рисунок. Детская наивность. Даже не знаю, кто её на это надоумил, если не ты.

– У тебя замечательный рисунок. Тебе не нужна моя помощь, – говоришь ты искренне, пытаясь перевести тему.

– Я тоже так думаю, – поддерживаю я.

Молли чуть призадумывается.

– Вы правда так считаете? А то ведь у меня должно быть лучше, чем у этого Бакли. Он такой противный.

Насколько я понял, Бакли – одноклассник Молли, с которым она вечно соперничает за звание лучшей в классе.

– У тебя по-любому лучше, – говорю я с улыбкой.

Она пожимает плечами.

– Пойду покажу маме. – Она разворачивается и, не отрывая взгляда от работы, идёт к выходу. – Но если ей не понравится, я вернусь, и ты мне всё перерисуешь, – по-детски мило угрожает она тебе.

Ты киваешь, и она скрывается за дверью.

– Она прелесть.

– Но почему же ты ей врёшь?

Ты делаешь вид, что не понимаешь, о чём это я.

– Дождевые тучи никто не любит бла-бла... В дожде нет ничего плохого.

– Можно промокнуть и заболеть, – парируешь ты.

– Да, а ещё можно нечаянно подавиться завтраком и задохнуться.

– Ей шесть. Её мир должен быть сказкой, и я не вправе

это рушить.

– Как благородно.

– Кроме неё, мне никто не важен.

Я молча негодую.

– Все врут детям. Говорят, что их принесли в капусте, что есть Санта-Клаус и Зубная Фея. Так что теперь? Это ложь во спасение, если хочешь.

– Не хочу, спасибо. Как же до тебя не дойдёт? Я злюсь не от того, что ты врёшь ей, а от того, что ты ведёшь себя со мной так же, как с ней, будто мне шесть. Но, если ты не заметила, я несколько старше. И если уж на то пошло: ты впустила меня в свой мир и постоянно провоцируешь на подобные разговоры, тогда будь добра посвети в свои тайны.

– Ты всё время забываешься. – Ты встаёшь с пола. – Я впустила тебя лишь на время.

Я тоже встаю, потому что иначе кажусь себе слишком мелким, чтобы бороться.

– Ты не просто та, с кем я делаю это дурацкое задание. Боже! Ты кажешься такой умной, но не понимаешь очевидных вещей. Ты... меня интересуешь. Ещё с того момента, как я увидел тебя в церкви.

– Не смей! – ты пытаешься закрыть уши руками.

– У меня никогда не было никого, с кем я мог бы вот так поговорить, с кем не нужно было бы притворяться. Мы постоянно спорим. Но за эти выходные я кое-что понял: как бы плохо нам ни было вместе – порознь нам в тысячу раз хуже.

– Почему ты не можешь просто игнорировать меня?

– Ты мне интересна. Думаешь, в округе слишком много интересных людей? Как бы не так! Все пустые. А ты, что бы ты там о себе ни думала и ни говорила, ты, – я выдыхаюсь, – вулкан мыслей, эмоций, чувств, информации, который... вот-вот взорвётся.

– Тогда беги, пока не поздно. – В твоих глазах стоят слёзы. От этого у меня внутри всё переворачивается.

– Я не желаю прятаться от чумы. Я хочу её остановить.

– Мой организм уже полностью ею пропитан. Такова моя защитная реакция на это общество. Не чувствовать проще.

– Не чувствовать невозможно, только если ты не робот, а видя, как ты смотришь на Молли, я знаю, что это не так.

– Люди жестоки. Я пытаюсь уберечь её... и себя. Люди – монстры, единственные монстры на этой планете, единственные существа, которые могут причинять вред ради удовольствия, единственные, кто убивает себе подобных ради выгоды. Я жалею, что принадлежу к такому виду, как человек.

– Тогда представь, что ты не человек, и мы пойдём дальше, если тебе так будет проще.

Ты тяжело вздыхаешь.

– Ты ведь не отвяжешься?

– Нет.

Ты опускаешь взгляд. И тут в комнату снова вбегает радостная раскрасневшаяся Молли.

– Фло! Фло! Папа пришёл. Ему понравился мой рисунок.

Идём познакомим Сиду с ним.

– Он уже уходит, детка, – говоришь ты ей.

– Да, Сид уже уходит, – отзываюсь я эхом.

Молли это не нравится, но расстроиться она не успевает, так как Джейн зовёт её снизу. Она тут же убегает.

– Пока, Сид! – кричит она, уносясь.

– Давай на сегодня закончим, – говоришь ты, начиная складываться. – И чтоб ты знал, я не хочу делать тебе больно, но иногда не получается так, как хочется... Ну, ты и сам знаешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.